

БРЭМ

СТОКЕР

*СОКРОВИЩЕ
СЕМИ ЗВЕЗД*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Брэм Стокер

Сокровище семи звезд

«Издательство АСТ»

1903

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Стокер Б.

Сокровище семи звезд / Б. Стокер — «Издательство АСТ»,
1903 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148754-6

Настоящий викторианский джентльмен всегда придет на помощь даме, особенно если тайно влюблен в нее, как молодой лондонский адвокат Малькольм Росс в дочь известного египтолога-любителя и собирателя древностей Абея Трелони. Но тревоги и страхи Маргарет отнюдь не беспочвенны – ее отец лежит без памяти между жизнью и смертью, а рука его покрыта ужасными кровавыми ранами неизвестного происхождения...

Что произошло? Кто напал на любителя древних диковин в запертом кабинете? Не связано ли случившееся с расставленными там в странном порядке артефактами, которые он строго-настрога запретил трогать или переставлять? Малькольм Росс ищет истину, отбрасывая одну версию за другой. И постепенно осознает: причины случившегося лежат далеко от обыденных и разумных... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-148754-6

© Стокер Б., 1903

© Издательство АСТ, 1903

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Брэм Стокер

Сокровище семи звезд

© Перевод. М. Куренная, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Эленор и Констанс Хойт

Глава 1

Зов в ночи

Все было в точности как наяву: даже не верилось, что это уже происходило прежде, – и тем не менее эпизоды сменяли друг друга в соответствии с моими ожиданиями, а не сообразно некой неведомой логике событий. Таким образом шутит с нами память – во благо или во вред, к радости или печали, счастьем или горю. Вот почему жизнь наша горько-сладкая, и все, что однажды свершилось, становится вечным.

Вновь легкий ялик, замедлив резвый бег по недвижной воде под мерные движения весел, скользнул в прохладную тень плакучей ивы, прочь от жгучего июльского солнца. Я стоял в плавно качавшейся лодке, а *она* тихо сидела, проворными пальцами отводя от себя упругие, вольно колыхавшиеся ветви. Вновь вода под сквозистым листовым пологом отливала темным золотом, а травяной берег был изумрудным. Вновь сидели мы в прохладной тени, и мириады природных звуков снаружи и внутри нашего нерукотворного зеленого шатра сливались в дремотный гул, заставлявший забыть об огромном мире со всеми его тревожными горестями и еще более тревожными радостями. Вновь в этом блаженном уединении юная девушка, отбросив чинную сдержанность, привитую строгим воспитанием, откровенно и задумчиво поведала мне о своей новой, исполненной одиночества жизни. С затаенной грустью она рассказала, что все слуги в их большом доме держатся замкнуто, трепеща перед ее отцом и ею самой, что доверие там не в цене и сочувствие не в почете и что даже лицо отца кажется ей чужим и далеким, таким же далеким, как былые дни, проведенные в деревне. Вновь все мое зрелое благоумие и весь мой жизненный опыт легли к ногам милой девушки, причем это вышло как бы само собой, поскольку мое сознательное «я» ничего не решало и лишь подчинялось властным приказам. И вновь бесконечно множились быстролетные мгновения, ибо в таинственном мире сновидений различные реальности сливаются и обновляются, изменяясь, но все же оставаясь прежними подобно душе композитора, вложенной в фугу. Так и память моя во сне все длила и длила пьянящий восторг.

Похоже, совершенного покоя не обрести нигде. Даже в Эдеме змей вздымает голову среди отягченных плодами ветвей Древа Познания. Тишину безмятежной ночи вдруг нарушают грохот лавины, зловещий гул внезапного наводнения, колокол паровоза, проносащегося через спящий американский городок, мерный шум паровозных колес в море... Что бы это ни было, это разрушает чары моего Эдема. Зеленый полог над нами, пронизанный алмазными иглами света, дрожит от непрерывного стука лопастей, и паровозный колокол, кажется, никогда не умолкнет...

Внезапно ворота сна широко распахнулись, и мой пробудившийся слух распознал природу назойливых звуков. Явь всегда прозаична: кто-то стучал и звонил в чью-то наружную дверь.

В своих комнатах на Джермин-стрит я уже вполне привык к посторонним звукам, и дела моих соседей, сколь угодно шумные, нимало не беспокоили меня ни днем ни ночью, но этот шум был слишком продолжительным и слишком требовательным, чтобы оставить его без внимания. Он свидетельствовал о настойчивой воле, побуждаемой какой-то срочной необходимостью. Я не был законченным эгоистом и при мысли о чьей-то неотложной потребности без лишних раздумий встал с постели. Машинально я взглянул на часы: стрелки показывали ровно три, и по краям плотной зеленой шторы на окне уже растекался смутный серый свет. Теперь стало ясно, что стучат и звонят в дверь именно нашего дома, а также что все его обитатели крепко спят и ничего не слышат. Накинув халат и всунув ноги в домашние туфли, я спустился к входной двери. Отворив ее, я увидел щегольски одетого грума, который одной рукой упорно давил на кнопку электрического звонка, а другой непрерывно колотил дверным молотком. При

виде меня он тотчас прекратил стучать и трезвонить, привычным жестом коснулся края шляпы и извлек из кармана письмо. Прямо напротив входа стояла изящная карета; лошади дышали тяжело и часто, как после быстрой скачки. Привлеченный шумом, рядом остановился полисмен с зажженным фонарем на поясе.

– Прошу прощения за беспокойство, сэра, но я получил беспрекословный приказ и должен был, не мешкая ни минуты, звонить и стучать, покуда кто-нибудь не откроет. Позвольте спросить, сэра, не здесь ли проживает мистер Малкольм Росс?

– Я и есть Малкольм Росс.

– Значит, письмо предназначается вам, сэра, и экипаж тоже!

С недоуменным любопытством я взял у него письмо. Будучи барристером, я то и дело сталкивался со странными ситуациями, включая неожиданные вызовы в неурочное время, но подобного не случалось еще ни разу. Я отступил в холл, притворив дверь, и включил электрический свет. Адрес на конверте был надписан незнакомым женским почерком. Письмо началось сразу же, без всяких там «уважаемый сэра» и прочих подобных обращений.

«Вы изъявили готовность помочь мне, если возникнет необходимость.

Надеюсь, вы говорили серьезно. Ваша помощь понадобилась раньше, чем я ожидала. Я в ужасной беде и не знаю, куда и к кому обратиться. Боюсь, на моего отца было совершено покушение. Он остался жив, благодарение Богу, но находится в глубоком беспамятстве. Я вызвала врачей и полицию, но здесь не на кого всецело положиться. Приезжайте немедленно, если можете, и простите меня за доставленное неудобство. Вероятно, впоследствии я еще не раз пожалею, что обратилась с этой просьбой к вам, но сейчас не в состоянии мыслить ясно. Приезжайте! Приезжайте немедленно!

Маргарет Трелони».

Тревога и ликование боролись в моей душе, пока я читал эти строки, но надо всем преобладала мысль, что, оказавшись в беде, она позвала на помощь не кого-нибудь, а меня – меня! Недаром, значит, она приснилась мне сегодня.

– Подождите! Я тотчас же вернусь! – крикнул я груму и бросился наверх.

Чтобы умыться и одеться, мне хватило нескольких минут, и вот мы уже мчались по улицам со всей скоростью, на какую были способны лошади. Было утро рыночного дня, и по Пикадилли с запада на восток тянулся бесконечный поток груженных телег. Однако остальная часть пути была свободна, и мы катили быстро. Я велел груму сесть со мной в карету, дабы по дороге он рассказал, что же произошло. Он неловко уселся рядом, положив шляпу на колени, и заговорил:

– Мисс Трелони, сэра, прислала к нам слугу с распоряжением немедленно запрячь экипаж, а малость погодя пришла сама, дала мне письмо и наказала Моргану – вознице, сэра, – гнать во весь опор. Она велела мне не мешкать ни секунды и стучать, покуда не откроют.

– Да знаю я, знаю: вы уже говорили! – но почему она послала за мной, вот что меня интересует. Что там стряслось?

– Сам толком не знаю, сэра. Слыхал лишь, что хозяина нашли без чувств в спальне, с пробитой головой, на окровавленной постели. Привести его в сознание покамест не удалось. А нашла хозяина сама мисс Трелони.

– Но с чего вдруг она наведальась к нему в такой час? Ведь дело, надо полагать, произошло поздней ночью?

– Это мне неизвестно, сэра. Подробностей я не слышал.

Так как больше ничего груму рассказать не мог, я на минуту остановил карету, чтобы он вышел и влез на козлы, а потом, оставшись в одиночестве, принялся размышлять о происшедшем. Конечно, мне стоило бы расспросить слугу гораздо обстоятельнее, и некоторое

время после его ухода я сетовал на себя за то, что не воспользовался такой возможностью. Однако, поразмыслив немного, я даже порадовался, что искушение миновало: все-таки приятнее будет узнать обо всем от самой мисс Трелони, а не от ее слуг.

Мы резво катили через Найтсбридж: колеса и рессоры нашего хорошо снаряженного экипажа мерно поскрипывали в утренней тиши, – потом свернули на Кенсингтон-Пэлас-роуд и вскоре остановились у большого особняка по левой стороне, который, насколько я мог судить, находился ближе к ноттингхиллскому концу улицы, нежели к кенсингтонскому. Здание выделялось не только своими размерами, но и величественной архитектурой. Даже в сером сумраке утра, зрительно уменьшавшем все предметы, оно выглядело огромным.

Мисс Трелони встретила меня в холле. Чуждая застенчивой робости, девушка и сейчас держалась с благородной властностью, тем более удивительной, если учесть, что она была чрезвычайно взволнована и смертельно бледна. В большом холле находилось с десятков слуг: мужчины стояли вместе у входа, женщины боязливо жались друг к другу в дальних углах и дверных проемах. С мисс Трелони разговаривал старший офицер полиции; рядом стояли двое мужчин в форме и один в штатском. При виде меня девушка просветлела лицом и со вздохом облегчения порывисто протянула мне руку.

– Я знала, что вы приедете! – просто сказала она вместо приветствия.

Рукопожатие порой говорит о многом, даже если человек не подразумевает при этом ничего особенного. Рука мисс Трелони словно бы утонула в моей – изящная мягкая рука с длинными тонкими пальцами, редкой красоты рука, и не сказать чтобы очень миниатюрная. Я истолковал это как бессознательное свидетельство полного подчинения моей воле – не сразу, правда, а чуть позже, когда совладал с охватившим меня восторженным трепетом.

Мисс Трелони повернулась к офицеру и произнесла:

– Это мистер Малкольм Росс.

– Я знаю мистера Малкольма Росса, мисс, – козырнув, ответил полисмен. – Возможно, он помнит, что я имел честь работать с ним над делом брикстонских фальшивомонетчиков.

Я не признал мужчину с первого взгляда, ибо все мое внимание было поглощено мисс Трелони.

– Как же, как же, прекрасно помню, старший офицер Долан! – воскликнул я, обмениваясь с ним рукопожатиями.

Я не мог не заметить, что факт нашего знакомства несколько успокоил мисс Трелони. Не ускользнуло от моего внимания и легкое замешательство девушки: я догадался, что ей было бы удобнее поговорить со мной с глазу на глаз, – а посему сказал офицеру:

– Возможно, нам с мисс Трелони стоит ненадолго уединиться. Несомненно, вам она уже рассказала все, что знает, а я гораздо лучше разберусь в положении дел, если смогу задать ей кое-какие вопросы. Потом же, если вы не против, мы с вами все обсудим.

– Буду рад услужить вам чем смогу, сэр, – сердечно ответил он.

Я прошел за мисс Трелони в изысканно убранную гостиную, смежную с холлом, окна которой выходили в сад за домом. Когда я затворил за собой дверь, девушка сказала:

– За то, что вы великодушно отклонились на мой призыв о помощи, я поблагодарю вас позже, а теперь вам лучше узнать все обстоятельства произошедшего.

– Рассказывайте же! – отозвался я. – Рассказывайте все, что знаете, и не упускайте ни единой подробности, сколь бы несущественной она ни казалась сейчас.

– Итак, – не мешкая начала мисс Трелони, – меня разбудил какой-то шум: не знаю, какого рода, – просто вторгся в мой сон, и я тотчас проснулась и с бешено колотившимся сердцем стала прислушиваться к звукам, которые доносились из комнаты отца. Наши комнаты расположены рядом, и часто, отходя ко сну, я слышу его шаги. Он работает допоздна, иногда почти до рассвета, и, просыпаясь среди ночи или рано-рано утром, как нередко со мной случается, я слышу, что отец все еще бодрствует. Однажды я попыталась образумить его – мол, не спать

ночами вредно для здоровья, – но больше на такое никогда не осмеливалась. Вы сами знаете, каким холодным и суровым он бывает, хотя бы из моих рассказов о нем; когда же в своей ледяной суровости отец еще и подчеркнуто вежлив, то становится поистине страшен. Его гнев пугает меня не в пример меньше, чем нарочитая размеренность речи, когда один угол рта у него вздергивается, обнажая острые зубы. Тогда я... даже не знаю, как толком описать свои ощущения, право слово! Сегодня ночью я тихо поднялась с постели и на цыпочках подкралась к двери соседней комнаты, страшась побеспокоить отца. Ни шагов, ни криков... только глухой шум волочения и чье-то медленное, тяжелое дыхание. Ах! Это было ужасно – стоять там в темноте и бояться... бояться неведомо чего!

Наконец я собралась с духом и, как можно тише повернув дверную ручку, слегка приоткрыла дверь. В крошечной тьме виднелись лишь очертания окон, но теперь тяжелое дыхание слышалось отчетливее и оттого было еще страшнее. С минуту я прислушивалась, но никаких иных звуков не различила. Тогда я резко распахнула дверь – открывать медленно боялась: а ну как за ней притаилось нечто ужасное, готовое наброситься на меня! Включив свет, я осторожно вошла в комнату и сразу же посмотрела на кровать. Одежда откинута и смята – значит, отец все-таки ложился этой ночью, – но посреди простыни багровело кровавое пятно, смазанное к краю постели. Сердце мое едва не остановилось!.. Стоя в оцепенении, я опять услышала тяжелое дыхание и обратила взгляд через комнату, в ту сторону, откуда оно раздавалось. Там лежал на правом боку отец, неловко подвернув под себя руку, будто кто-то швырнул туда его безжизненное тело. Кровавый след тянулся к нему по полу от самой кровати, и подле отца натекла лужа крови, показавшаяся мне, когда я склонилась над ним, ярко-красной и необычайно блестящей. Он лежал в пижаме с оторванным левым рукавом перед большим сейфом, вытянув к нему оголенную руку. Она выглядела ужасно... ах, просто ужасно!.. вся в крови, с истерзанным, изрезанным запястьем, обвитым золотой цепью. Я и не знала, что отец носит браслет, и это тоже стало для меня своего рода потрясением.

Мисс Трелони на миг умолкла, и я, желая хоть ненадолго отвлечь ее мысли от страшного происшествия, сказал:

– О, здесь нет ничего удивительного. В наше время браслеты носят иные мужчины, от которых меньше всего этого ожидаешь. Однажды я видел золотую цепь на воздетой руке судьи, выносившего смертный приговор преступнику.

Похоже, девушка пропустила мои слова мимо ушей, но краткая пауза подействовала на нее успокоительно, и продолжала она уже более твердым голосом:

– Испугавшись, как бы отец не умер от потери крови, я не стала терять ни секунды: позвонила в колокольчик, а потом выскочила за дверь и во весь голос позвала на помощь. Должно быть, уже очень скоро – хотя мне это время показалось вечностью – снизу начали один за другим прибегать слуги, и вскоре комната заполнилась встревоженными людьми в ночных одеждах, с вытаращенными глазами и растрепанными волосами.

Мы перенесли отца на диван, и наша домоправительница миссис Грант, в отличие от всех нас сохранявшая самообладание, принялась выяснять, откуда у отца идет кровь. Почти сразу обнаружилось, что виной всему глубокая рваная рана возле запястья левой руки, явно нанесенная не ножом. По всей видимости, там была повреждена вена. Миссис Грант наложила на это место жгут из носового платка, затянула потуже с помощью серебряного ножичка для бумаг, и кровотечение прекратилось. К этому времени я уже кое-как собралась с мыслями и послала одного слугу за доктором, а другого – за полицией. Когда они удалились, я вдруг поняла, что осталась в доме совсем одна, если не считать прислуги, и ничего толком не знаю... ни о своем отце, ни о чем-либо еще. Мне безумно захотелось, чтобы рядом оказался человек, способный поддержать и помочь. Тут я вспомнила о вас и о вашем любезном обещании, данном мне в лодке под ивой, и без всяких раздумий велела заложить экипаж, после чего набросала записку и отправила вам.

Мисс Трелони снова умолкла. Объясняться в своих чувствах сейчас было не время, а потому я просто смотрел на нее. Думаю, девушка все поняла без слов: встретившись со мной взглядом, зарделась, как пионовая роза, и тотчас же потупилась, – затем с видимым усилием продолжила:

– Доктор появился на удивление скоро. Он как раз отпирал дверь своего дома, когда грум нашел его, и не мешкая поспешил к нам. Должным образом наложив турникет на руку бедного отца, доктор отправился обратно домой за инструментами – и, полагаю, вот-вот вернется. Затем пришел полисмен и отослал сообщение в участок. Немного погодя прибыл старший офицер, а за ним следом и вы.

Наступило долгое молчание, и я осмелился слегка пожать руку девушки. Потом без лишних слов мы открыли дверь и вышли в холл. Старший офицер Долан быстро двинулся нам навстречу, говоря на ходу:

– Я самолично все тут осмотрел и уже отправил сообщение в Скотленд-Ярд. Видите ли, мистер Росс, в этом деле столько странностей, что я счел необходимым призвать на подмогу лучшего сыщика из департамента уголовных расследований. А потому попросил в записке срочно отрядить сюда сержанта Доу. Вы наверняка помните его, сэр, по хокстонскому делу американца-отравителя.

– Конечно же, я хорошо помню сержанта Доу, – ответил я. – И по тому делу, и по ряду других, ибо его профессиональная хватка и проницательность не раз играли мне на руку. Умение мыслить столь ясно, стройно и последовательно встречается крайне редко. Защищая в суде человека, чья невиновность не вызывала у меня сомнений, я всегда был рад, если именно сержант Доу выступал свидетелем со стороны обвинения!

– Это высокая похвала, сэр! – произнес старший офицер, явно польщенный. – Я рад, что вы одобрили мой выбор: стало быть, я поступил правильно, послав именно за сержантом Доу.

– Ничего лучшего и желать нельзя, – горячо заверил я. – Не сомневаюсь, что, стоит объединить усилия, мы быстро установим все факты и выясним, что за ними скрывается!

Мы поднялись в комнату мистера Трелони, где нашли все точно в таком виде, как описывала его дочь.

Внизу прозвонил дверной колокольчик, и минутой позже в комнату вошел молодой человек с орлиными чертами лица, острыми серыми глазами и широким выпуклым лбом мыслителя. В руке у него был черный саквояж, который он сразу же открыл.

Мисс Трелони представила нас друг другу:

– Доктор Винчестер, мистер Росс, старший офицер Долан.

Мы трое обменялись легкими поклонами, после чего доктор без малейшего отлагательства занялся пострадавшим. Мы в напряженном ожидании наблюдали, как он обрабатывает рану. Время от времени молодой человек оглядывался и обращал внимание старшего офицера на ту или иную особенность раны, а Долан тотчас же записывал его замечания в блокнот.

– Вот, смотрите! Несколько параллельных порезов или царапин идут от левой стороны запястья, и в нескольких местах возникла угроза для лучевой артерии. А эти глубокие рваные проколы, похоже, нанесены тупоконечным орудием... вот этот, в частности, каким-то клиновидным предметом, которым ворочали в ране, сильно на него надавливая, – видите, как изорвана плоть вокруг? – Потом доктор Винчестер повернулся к мисс Трелони и спросил: – Нельзя ли снять браслет, как вы полагаете? Крайней надобности в этом нет, так как цепь соскользнет вниз и будет свободно висеть на запястье, но для пушего удобства пациента в дальнейшем...

Бедная девушка залилась краской и тихо проговорила:

– Не знаю даже... я перебралась к отцу совсем недавно и пока еще столь мало знаю о его жизни и привычках, что не берусь судить о подобных вещах.

Внимательно взглянув на нее, доктор произнес самым душевным тоном:

– Прощу меня извинить, я не знал. Как бы там ни было, огорчаться не стоит. Сейчас снимать браслет совсем не обязательно – иначе я бы немедленно сделал это под свою ответственность. А позже при необходимости мы просто перепилим его напильником. Несомненно, у вашего отца имелись свои причины носить это украшение. О, смотрите-ка, к нему прикреплен маленький ключик...

Наклонившись пониже, доктор взял из моей руки свечу и опустил ее так, чтобы свет падал на браслет. Потом он знаком велел мне держать свечу в этом положении, а сам достал из кармана лупу. Тщательно все рассмотрев, он поднялся на ноги и протянул лупу Долану.

– Вам лучше взглянуть самому. Браслет весьма необычный. Золото пропущено через тройные стальные звенья – посмотрите там, где оно истончилось. Цепь очень прочная, такую легко с руки не снимешь, и обычным напильником здесь явно не обойтись.

Дородный офицер сначала просто нагнулся вперед, а потом, желая рассмотреть браслет поближе, опустил на колени рядом с диваном, как немногим ранее делал доктор, внимательно обследовал цепь, медленно поворачивая ее вокруг запястья мистера Трелони, чтобы не упустить ни малейшей детали, наконец встал и вручил лупу мне.

– Когда осмотрите браслет, пусть и леди на него взглянет, если хочет, – произнес он и принялся делать записи в своем блокноте.

Я внес в его предложение незначительную поправку и протянул лупу мисс Трелони:

– Может, лучше вы первая?

Девушка отшатнулась, протестуя вскинув руку, и быстро проговорила:

– О нет! Если бы отец хотел, чтобы я увидела браслет, то непременно показал бы его мне. А без согласия отца я смотреть не стану. – Затем, явно испугавшись, что обидела нас своей излишней щепетильностью, поспешно добавила: – Но вам, конечно же, непременно нужно осмотреть браслет во всех подробностях, ничего не упуская из виду... и, право же, я премного вам благодарна...

Мисс Трелони отвернулась, и я увидел, что она беззвучно плачет. Даже сейчас, в крайнем смятении и великой тревоге, бедняжка была удручена тем, что столь мало знает о родном отце и что неведение это обнаружилось в такую минуту и перед посторонними людьми. Тот факт, что все они были мужчины, нисколько не избавлял от чувства стыда, хотя и приносил некоторое утешение. Пытаясь понять чувства девушки, я предположил, что, наверное, она даже рада видеть сейчас вокруг себя одних лишь мужчин – куда менее зорких и проницательных, чем женщины.

Когда я завершил осмотр браслета, подтвердивший все выводы доктора, последний занял свое прежнее место у дивана и вновь занялся рукой мистера Трелони.

– Похоже, нам повезло с врачом! – шепнул мне старший офицер Долан.

Я кивнул и уже собрался было добавить пару похвальных слов о необычайной наблюдательности медика, но тут в дверь негромко постучали.

Глава 2

Странные распоряжения

К двери тихо подошел офицер Долан, с нашего молчаливого согласия взявший инициативу в свои руки. Мы все замерли в ожидании. Он осторожно приотворил дверь, а затем с нескрываемым облегчением распахнул ее, и в комнату вошел молодой человек – высокий и худощавый, с чисто выбритым ястребиным лицом и быстрыми ясными глазами, которые вмиг окинули помещение и, казалось, тотчас увидели все до последней мелочи. Новоприбывший и Долан тепло пожали друг другу руки.

– Я поспешил сюда, как только получил вашу записку, сэр. Рад, что по-прежнему пользуюсь вашим доверием.

– И всегда будете пользоваться, – сердечно заверил старший офицер. – Я не забыл наши былые деньки на Боу-стрит, и вовек не забуду!

Затем, без всяких вступительных слов, он принялся излагать все, что знал на данный момент. По ходу рассказа сержант Доу изредка уточнял, как все случилось и кто где находился, но вопросов у него возникало не много, поскольку Долан, превосходно знавший свое дело, как правило, предупреждал каждый возможный вопрос исчерпывающими пояснениями. Время от времени сержант Доу кидал быстрые взгляды то на одного из нас, то на какой-то предмет обстановки, то на раненого мужчину, лежавшего без чувств на диване.

Когда старший офицер закончил, сержант повернулся ко мне и произнес:

– Возможно, вы меня помните, сэр. Я работал вместе с вами над хокстонским делом.

– Конечно, прекрасно помню, – улыбнулся я, протягивая ему руку.

– Как вы понимаете, сержант Доу, – вновь заговорил старший офицер, – именно вам поручается расследовать это преступление.

– Надеюсь, под вашим началом, сэр.

Долан с улыбкой покачал головой.

– Расследование такого дела отнимает много времени и требует полной отдачи, а у меня хватает другой работы. Однако я буду с превеликим интересом наблюдать за ходом следствия и при необходимости окажу вам любую посильную помощь!

– Хорошо, сэр. – Доу коротко козырнул, принимая на себя ответственность, и тотчас приступил к своим обязанностям.

Сначала сержант подошел к доктору и, узнав его имя и адрес, попросил написать подробный медицинский отчет, который он мог бы использовать в ходе следствия и при необходимости представить начальству. Доктор Винчестер сдержанно поклонился и пообещал выполнить просьбу. Потом сержант приблизился ко мне и произнес вполголоса:

– Мне нравится ваш доктор. Думаю, мы с ним сработаемся!

Затем он обратился к мисс Трелони:

– Пожалуйста, расскажите все, что только знаете о своем отце: его прошлом, его образе жизни, его интересах... в общем, обо всем, что так или иначе связано с ним.

Я хотел было сказать, что девушка уже призналась в своей полной неосведомленности о делах и привычках отца, но она вскинула руку, останавливая меня, и промолвила:

– Увы, я почти ничего не знаю. Все, что мне известно, я уже рассказала старшему офицеру Долану и мистеру Россу.

– Так или иначе, мэм, мы должны сделать все, что в наших силах, – доброжелательно отозвался сержант. – Я начну с подробного опроса. Стало быть, вы находились за дверью, когда услышали шум?

– Я была в своей комнате, когда услышала странные звуки... собственно, они-то, должно быть, и разбудили меня. Я не мешкая вышла в коридор. Дверь отцовской спальни была закрыта, и я хорошо видела всю лестничную площадку и ступени, ведущие наверх. Выйди кто из комнаты отца, я бы непременно заметила, если вы это имеете в виду!

– Именно это, мисс. Если все свидетели столь же подробно обо всем расскажут, мы быстро доберемся до сути дела.

Сержант Доу подошел к кровати, окинул ее внимательным взглядом и осведомился:

– Постель кто-нибудь трогал?

– Насколько я знаю, нет, – ответила мисс Трелони. – Но я спрошу у миссис Грант, домоправительницы, – добавила она и позвонила в колокольчик.

На звонок явилась миссис Грант собственной персоной.

– Входите, пожалуйста, – пригласила мисс Трелони. – Миссис Грант, эти джентльмены хотят знать, трогал ли кто постель.

– Во всяком случае, не я, мэм.

– Значит, к постели никто не прикасался, – сказала девушка, поворачиваясь к сержанту Доу. – В комнате все время находилась либо я, либо миссис Грант, и при мне никто из слуг, прибежавших на мой зов, и близко не подходил к кровати. Видите ли, отец лежал вот здесь, возле сейфа, и все толпились вокруг него. А вскоре мы отослали слуг прочь.

Доу знаком велел всем нам оставаться на другой стороне комнаты, а сам принялся разглядывать в лупу складки постельного белья, осторожно приподнимая каждую и возвращая точно на прежнее место. Затем с помощью все той же лупы он исследовал пол, уделив особое внимание тем местам, куда с резной кровати красного дерева натекла кровь. Медленно, дюйм за дюймом, всячески стараясь не касаться кровавого следа, сержант прополз вдоль него на коленях к сейфу, подле которого обнаружили безжизненное тело. Там он тщательно осмотрел пол в радиусе нескольких ярдов, но, похоже, не нашел ничего заслуживавшего внимания. Потом он внимательно изучил переднюю часть сейфа – замок, верхние и нижние края двойной дверцы и особенно стык створок.

Затем Доу подошел к окнам, запертым на щеколды.

– Ставни были закрыты? – спросил он у мисс Трелони без всякого интереса, словно заранее ожидая отрицательного ответа, каковой и прозвучал.

Все это время доктор Винчестер занимался своим пациентом: перевязывал раны на запястье, осторожно ощупывал голову и шею, обследовал грудь в области сердца. Неоднократно он склонялся над бесчувственным мужчиной, едва не касаясь носом его губ, и принюхивался, после чего каждый раз произвольно обводил глазами комнату, точно искал что-то взглядом.

– Насколько я понимаю, – раздался наконец низкий звучный голос детектива, – потерпевший собирался вставить в замок сейфа вот этот ключ. Замокный механизм, похоже, с секретом, но я не понимаю, каким именно, хотя до поступления в полицию целый год проработал в фирме Чабба. Это кодовый замок с комбинацией из семи букв, но, по всей видимости, для того чтобы его открыть, одного кода недостаточно. Такие замки изготавливает фирма Чатвуда; завтра я наведаюсь к ним и что-нибудь да выясню. – Сержант повернулся к врачу с видом человека, на сегодня свою работу закончившего. – Доктор, вы можете прямо сейчас сообщить мне что-нибудь, о чем впоследствии упомянете в письменном отчете? Если у вас еще остаются какие-то сомнения, я могу подождать, но чем раньше узнаю что-нибудь определенное, тем лучше.

– Зачем же ждать? – живо откликнулся доктор Винчестер. – Разумеется, я представлю вам полный письменный отчет, а пока охотно изложу все установленные мной факты, весьма, надо сказать, немногочисленные, и выскажу свои предположения, довольно, впрочем, неопределенные. Итак. На голове у пострадавшего нет никаких ран, которые могли бы объяснить

его бессознательное состояние. Посему напрашивается вывод, что он или одурманен наркотиком, или находится под влиянием гипноза. Но, насколько я могу судить, о наркотиках – по крайней мере, о таких, чьи свойства мне знакомы, – в нашем случае речи не идет. Впрочем, в этой комнате стоит сильный запах мумии, заглушающий более слабые ароматы. Полагаю, вы все ощущаете характерные египетские запахи – битума, нарда, благовонных смол, пряностей и тому подобного. Но возможно, где-то здесь, среди антикварных вещей, источающих более сильные ароматы, прячется сосуд с неким веществом, твердым или жидким, воздействие коего на пациента мы сейчас наблюдаем. Быть может, пациент все-таки принял какой-то диковинный наркотик и в одной из стадий наркотического опьянения сам нанес себе раны. Это представляется мне маловероятным, и другие, не исследованные мною обстоятельства позже могут доказать ошибочность высказанной гипотезы. Однако, пока она не опровергнута, сбрасывать ее со счетов не стоит.

Тут его перебил сержант Доу:

– Это возможно, но, если все было так, как вы говорите, мы должны найти где-то здесь орудие, которым он поранил запястье. Какой-то предмет, испачканный кровью.

– Безусловно! – Доктор Винчестер решительно поправил очки, словно готовясь к спору. – Но допустим, пациент принял некое необычное снадобье, которое действует не сразу. Так как свойства этого дурманного вещества нам пока неизвестны – если, конечно, моя догадка вообще верна, – мы должны учитывать все возможности.

В разговор вмешалась мисс Трелони:

– Насчет замедленного действия наркотика – да, здесь возразить нечего. Согласно же второй части вашей гипотезы, отец мог нанести себе раны сам, причем уже после того, как наркотик подействовал.

– Совершенно верно! – хором подтвердили детектив и доктор.

– Однако ваша догадка, доктор, – продолжала девушка, – не исчерпывает всех возможностей, а значит, принимая вашу исходную идею, нам не следует пренебрегать и иными объяснениями случившегося. А потому я полагаю, что, исходя из этого допущения, первым делом необходимо найти орудие, которым отцу были нанесены раны.

– Может быть, он убрал его в сейф, прежде чем потерял сознание, – не вполне обдуманно выпалил я.

– Исключено, – быстро возразил доктор. – По крайней мере, мне кажется, что это маловероятно, – добавил он осмотрительно, коротко поклонившись мне. – Видите, левая рука у него вся в крови, а на сейфе ни единого пятнышка.

– Да, в самом деле! – вынужден был согласиться я.

Наступило долгое молчание. Первым его нарушил доктор:

– Нам срочно требуется сиделка, и я как раз знаю одну подходящую. Я сейчас же отправлюсь за ней. Должен попросить, чтобы до моего возвращения кто-нибудь из вас неотлучно находился с пациентом. Наверное, позже потребуется перенести его в другую комнату, но пока лучше оставить здесь. Мисс Трелони, могу ли я рассчитывать, что вы либо миссис Грант до моего возвращения побудете здесь – не просто в комнате, а непосредственно рядом с пациентом, – и приглядите за ним?

Девушка кивнула в ответ и уселась подле дивана. Доктор объяснил ей, что нужно делать, если раненый очнется в его отсутствие.

Следом за доктором удалился старший офицер Долан, но перед уходом сказал сержанту Доу:

– Мне, пожалуй, лучше вернуться в участок – если, конечно, я вам здесь больше не нужен.

– А Джонни Райт все еще служит в вашем подразделении? – спросил детектив.

– Да! Хотите, чтобы он поработал с вами?

Доу кивнул.

– Тогда я направлю его к вам, как только это станет возможно. Он пробудет с вами сколько пожелаете. Я скажу Райту, что он переходит в полное ваше подчинение.

Сержант проводил Долана до двери, говоря на ходу:

– Благодарю вас, сэр. Вы всегда чрезвычайно внимательны к людям, с которыми работаете. Я рад снова работать с вами. Сейчас отправлюсь в Скотленд-Ярд и доложу обо всем начальству, потом наведаюсь в фирму Чатвуда и без малейшего промедления вернусь сюда.

Когда дверь за Доланом закрылась, сержант обратился к хозяйке дома:

– Полагаю, мисс, вы разрешите мне остановиться у вас на день-другой, если потребуется. Это поможет расследованию, да и вам, пожалуй, будет спокойнее под охраной полиции до тех пор, покуда мы не раскроем тайну.

– Буду глубоко вам признательна.

Несколько мгновений Доу пронизательно смотрел на девушку, а затем продолжил:

– Позвольте ли вы мне перед уходом обыскать письменный стол и трельяж вашего отца? Возможно, там удастся найти ключ ко всем этим событиям.

Мисс Трелони ответила столь твердо и определенно, что сержант даже удивился:

– Я полностью и безоговорочно разрешаю вам делать все, что поможет нам в этой ужасной беде: – поможет выяснить, что приключилось с моим отцом, и понять, как защитить его впредь!

Не мешкая ни секунды, Доу быстро и методично обыскал трельяж, а затем перешел к письменному столу. Там в одном из ящиков он обнаружил запечатанное письмо, которое тотчас вручил мисс Трелони.

– Письмо... адресованное мне и написанное рукой отца! – воскликнула девушка, нетерпеливо вскрывая конверт.

Когда она начала читать, я так и впился в нее взглядом, но почти сразу заметил, с каким пристальным вниманием Доу следит за быстрой сменой выражений на ее лице, и стал неотрывно наблюдать уже за сержантом. К тому времени, когда мисс Трелони дочитала, я пришел к некоему убеждению, которое, впрочем, решил держать при себе. Среди прочих подозрений у сержанта явно имелось одно, пускай слабое, смутное и ни на чем не основанное, которое касалось самой мисс Трелони.

Несколько минут мисс Трелони стояла, опустив взгляд и сосредоточенно раздумывая, потом медленно перечитала письмо. На сей раз чувства, ею владевшие, отражались на ее лице гораздо яснее, и я с легкостью их улавливал. Закончив чтение, она снова помедлила, а затем с некоторой неохотой протянула письмо детективу. Тот с жадным интересом, но сохраняя невозмутимый вид, пробежал глазами послание, потом прочитал еще раз и с поклоном вернул девушке. Мисс Трелони, немного поколебавшись, подала письмо мне, при этом на миг вскинул на меня просительный взор, и ее бледные щеки зарделись.

Я взял у нее письмо, испытывая смешанные чувства, но преобладала во мне радость. Девушка не выказала и тени волнения, отдавая письмо сержанту, как, вероятно, вела бы себя, будь перед ней кто угодно другой, но вот вручая мне... я не посмел развить эту мысль и принялся читать, ощущая на себе пристальные взгляды мисс Трелони и детектива.

«Моя дорогая дочь!

Восприми это письмо как распоряжение – беспрекословное, категоричное и не допускающее никаких отклонений, – на случай если со мной стряется какая-нибудь беда, неожиданная для тебя и для всех прочих. Если я буду внезапным и загадочным образом сражен – вследствие болезни, несчастного случая или нападения, – ты должна в точности выполнить все указания, изложенные ниже. Если, когда это произойдет, я буду находиться вне своей спальни, меня надлежит перенести туда незамедлительно. Даже если я буду мертв, мое тело все одно непременно следует перенести в мою комнату. Затем, покуда я не очнусь и не смогу отдавать распоряжения самолично или

же куда меня не положат в гроб, меня нельзя будет оставлять одного ни на секунду. С наступления ночи и до рассвета рядом со мной должны оставаться по меньшей мере два человека. Желательно, чтобы время от времени ко мне навевалась опытная сиделка и отмечала все симптомы, постоянные или преходящие, которые покажутся ей необычными. Мои поверенные (юридическая контора «Марвин и Джукс», Линкольнс-Инн, 27б) уже получили подробные инструкции на случай моей смерти, и мистер Марвин обязался лично проследить, чтобы все они были в точности выполнены. Поскольку у тебя, дорогая моя дочь, нет родственников, к коим ты могла бы обратиться, я посоветовал бы тебе призвать на помощь верного друга, который мог бы или временно поселиться в нашем доме, или приходить еженощно, чтобы помогать присматривать за мной, или же обретаться где-нибудь поблизости, дабы являться по первому твоему зову. Друг этот может быть как мужчиной, так и женщиной, но, так или иначе, нужен второй человек у моего ложа, который был бы противоположного пола. Уразумей, что самая суть моего желания состоит именно в том, чтобы рядом со мной всегда бодрствовали, проявляя на пользу мне свою природу, разум мужской и разум женский. Еще раз, моя дорогая Маргарет, хочу подчеркнуть, что за мной необходимо вести самое пристальное наблюдение и на основании увиденного строить последовательные умозаключения, пускай сколь угодно странные. Если вдруг со мной приключится тяжелая болезнь или несчастный случай, произойдет это по причинам далеко не обыденным, и я настоятельно прошу тебя ни на миг не терять бдительности.

Ни один предмет в моей комнате – я говорю о древних артефактах – нельзя переставлять на другое место или передвигать даже на дюйм ни при каких условиях. Они расставлены строго определенным образом по особой причине и с особой целью, и любое их перемещение нарушит мои планы.

Если тебе понадобятся деньги или совет по какому-либо вопросу, мистер Марвин выполнит все твои пожелания в соответствии с моими подробными распоряжениями.

Абель Трелони».

Дабы не выдать своих чувств, я перечитал письмо еще раз, прежде чем заговорить. В качестве друга, упомянутого в послании, мисс Трелони вполне могла выбрать меня. Все основания для такой надежды имелись: ведь именно ко мне она обратилась за помощью в первую минуту смятения и тревоги, – но любовь всегда склонна сомневаться и я боялся ошибиться. Мысли с быстротой молнии замелькали в моей голове, и уже через несколько секунд я знал, как мне поступить. Не следует напрашиваться на роль верного друга, к чьему содействию ее отец советовал прибегнуть, но нельзя и умалять значение просительного взгляда, который мисс Трелони бросила на меня, вручая письмо. В конце концов, когда ей понадобилась помощь, она послала не за кем-нибудь, а за мной – практически незнакомым человеком, с которым лишь раз виделась на балу да раз общалась на короткой речной прогулке. Но разве не унижительно для нее будет просить меня дважды? Унизить ее? О нет! От этого я ее избавлю, ибо в том, чтобы отвергнуть мое предложение, нет ничего унижительного. Поэтому, возвращая ей письмо, я сказал:

– Не обессудьте за навязчивость, мисс Трелони, но если позволите мне помочь вам в присмотре за вашим отцом, я буду безмерно горд вашим доверием. Хотя обстоятельства и прискорбные, я буду поистине счастлив, удостоившись такой чести.

Несмотря на явную и мучительную попытку сохранить самообладание, девушка залилась румянцем смущения. Даже глаза у нее, казалось, покраснели, что стало особенно заметно, когда кровь отхлынула от лица и оно обрело прежнюю бледность.

– Я буду очень благодарна вам за помощь, – тихо ответила мисс Трелони, а потом, словно спохватившись, добавила: – Но вы вовсе не должны уделять все свое время мне одной! Я знаю, у вас много других неотложных дел, и, сколь бы высоко ни ценила вашу помощь, распоряжаться всем вашим временем не вправе.

– Все мое время в полном вашем распоряжении, – поспешно ответил я. – Я легко могу устроить свои сегодняшние дела так, чтобы иметь возможность явиться сюда во второй половине дня и остаться до завтрашнего утра. В дальнейшем, если потребуется, я смогу сделать так, чтобы в моем распоряжении было еще больше времени.

Она была глубоко тронута, глаза ее наполнились слезами, и ей пришлось поспешно отвернуться.

– Хорошо, что вы будете здесь, мистер Росс, – подал голос детектив. – Я тоже останусь в доме, если мисс Трелони позволит и если начальство даст «добро». Благодаря этому письму все дело, кажется, предстает в новом свете, хотя от этого становится еще загадочнее. Если вы задержитесь здесь на час-другой, я быстро съезжу в Скотленд-Ярд, потом к изготовителям сейфов, а затем сразу же вернусь, и вы сможете уйти с более или менее спокойной душой: все-таки здесь останусь я.

Когда он удалился, мы с мисс Трелони несколько минут молчали. Наконец она подняла глаза, и на краткий миг мы встретились с ней взглядами; после этого я не согласился бы поменяться местами даже с королем. Какое-то время девушка занималась тем, что устраивала отца поудобнее на диване, а потом, попросив меня не спускать с него глаз до ее возвращения, торопливо вышла прочь.

Немного погодя она вернулась с миссис Грант, двумя служанками и парой мужчин, которые принесли раму, спинки и прочие детали легкой железной кровати. Слуги в два счета собрали ее, после чего покинули комнату.

– Нам надо все приготовить к возвращению доктора, – пояснила мне мисс Трелони. – Он наверняка распорядится уложить отца в постель, а даже на самой простой кровати ему будет удобнее, чем на диване. – Она придвинула стул вплотную к дивану и уселась подле отца.

Я медленно обошел комнату, внимательно рассматривая все, что привлекало взор. Что и говорить, в ней хватало диковин, которые вызвали бы любопытство у любого человека даже при менее странных обстоятельствах. Помимо предметов мебели, обычных в хорошо обставленной спальне, там находилось великое множество изумительных древних артефактов, по большей части египетских. А так как комната была огромная, в ней поместилось без счета разных вещей, подчас весьма внушительных размеров.

Я все еще обследовал комнату, когда снаружи донесся хруст гравия под колесами экипажа. Звякнул колокольчик входной двери, и чуть спустя – коротко постучав и услышав «войдите!» – к нам присоединился доктор Винчестер, сопровождаемый молодой женщиной в темном одеянии сиделки.

– Мне повезло! – сообщил он с порога. – Я сразу нашел ее, и она сейчас свободна. Мисс Трелони, позвольте представить вам сиделку Кеннеди!

Глава 3

Сиделки

Я пристально наблюдал за мисс Трелони и сиделкой, пока они обменивались взглядами. Видимо, я настолько привык мысленно оценивать каждого свидетеля в суде и составлять мнение о нем, исходя из разных бессознательных жестов и общей манеры поведения, что привычка эта распространилась и на частную мою жизнь. В этот момент все, что интересовало мисс Трелони, интересовало и меня, а так как она воззрилась на мисс Кеннеди с откровенным любопытством, я невольно тоже присмотрелся к даме, дабы составить свое мнение о ней. Сравнивая двух этих женщин, я словно заново увидел мисс Трелони. Внешне они являли собой полную противоположность друг другу. Мисс Трелони – высокая и стройная, темноволосая, с правильными чертами лица. У нее огромные, бархатно-черные, таинственно глубокие глаза. Смотреть в них все одно что смотреть в черное зеркало, какое доктор Ди использовал в своих колдовских ритуалах. Как-то на пикнике один старый джентльмен, известный путешественник по Востоку, сказал, что бывают такие глаза, в которые глядишь так, словно «глухой ночью глядишь через открытую дверь на огни далекой мечети». Темные брови ее под стать всему облику: густые, изящно изогнутые, они служат достойным обрамлением для прекрасных бездонных очей. Волосы у нее тоже черные, но при этом тонкие как шелк. Обычно черные волосы говорят о животной силе и неукротимой пылкости натуры, однако здесь об этом не идет и речи. Мисс Трелони – совершенный образец утонченности и благородного воспитания, и хотя в ней нет ни малейшего намека на слабость, вся ее сила скорее духовного свойства, нежели животного. Она сама гармония. Стройный стан, гордая осанка, дивные волосы, прелестные глаза, выразительные полные губы, белоснежные зубы, будто освещающие нижнюю часть лица, как глаза освещают верхнюю, высокие точеные скулы, длинные нежные пальцы, узкая гибкая кисть, чрезвычайно подвижная и словно живущая собственной, независимой от руки жизнью, – все эти совершенства сливаются в образ восхитительной женщины, покоряющей сердце и изяществом, и красотой, и очарованием.

Сиделка Кеннеди, напротив, была ниже среднего роста, коренастая, с полными руками и широкими, сильными, привычными к труду ладонями. Все в ее наружности было цвета осенней листвы: желтовато-каштановые волосы, густые и длинные, золотисто-карие глаза, загорелое конопатое лицо с кирпично-румяными щеками. Красные губы и белые зубы не нарушали, а лишь подчеркивали общую цветовую гамму. Задорно вздернутый нос, как все подобные носы, заставлял предположить в ней натуру великодушную, деятельную и доброжелательную, а широкий чистый лоб, пощаженный веснушками, свидетельствовал о живом уме и здравомыслии.

По пути из госпиталя доктор Винчестер посвятил сиделку в необходимые медицинские подробности, и теперь она без лишних слов приступила к своим обязанностям. Деловито осмотрев недавно собранную кровать и взбив подушки, она обратилась к доктору за указаниями. Затем мы вчетвером подняли бесчувственного мужчину с дивана и, стараясь ступать в лад, перенесли на постель.

Вскоре после полудня, когда вернулся сержант Доу, я отправился в свои комнаты на Джермин-стрит, чтобы отослать в дом Трелони все вещи, бумаги и книги, которые могли мне понадобиться в ближайшие дни, а потом поспешил в суд.

Сегодня там принималось окончательное решение по важному делу, а потому судебное заседание затянулось. Когда я въезжал в ворота особняка на Кенсингтон-Пэлас-роуд, часы уже пробили шесть.

Меня разместили в просторной комнате рядом с покоем больного. В тот вечер мы еще не установили точный распорядок дежурств, и они распределились между нами неравномерно. Сиделка Кеннеди, продежурившая весь день, легла спать, поскольку собиралась снова заступить на пост в полночь. Доктор Винчестер, столовавший в доме, оставался рядом с пациентом до ужина, после которого сразу же вернулся обратно. Во время ужина у постели мистера Трелони находилась миссис Грант в обществе сержанта Доу, пожелавшего закончить тщательный осмотр комнаты и смежных с ней помещений. В девять часов мы с мисс Трелони пришли сменить доктора. Днем девушка поспала пару часов, дабы набраться сил для ночного бдения. Она сказала мне, что решила по крайней мере сегодня наблюдать за отцом всю ночь напролет. Я даже не попытался отговорить ее, ясно понимая, что она от своего решения не отступит, но тотчас же твердо положил, что буду наблюдать за мистером Трелони вместе с ней, если, конечно, она не даст понять, что не нуждается в моей помощи. Однако о своем намерении я пока сообщать ей не стал. Мы вошли в комнату на цыпочках – так тихо, что склонившийся над кроватью доктор наших шагов не услышал и вздрогнул от неожиданности, когда поднял глаза и увидел нас рядом. Было очевидно, что загадочность всей этой истории начинает действовать ему на нервы, как это уже случилось с иными из нас. Явно досадуя на себя за то, что выказал испуг, он торопливо заговорил, словно пытаясь скрыть смущение:

– Я теряюсь в догадках, право слово... решительно не понимаю причин столь глубокого и продолжительного ступора. Я еще раз тщательнейшим образом осмотрел пациента и могу с уверенностью утверждать, что мозг его не поврежден: во всяком случае, никаких следов внешнего воздействия нет, – и все жизненно важные органы, похоже, целы. Несколько раз, как вы знаете, я поил мистера Трелони питательным бульоном, и это определенно пошло на пользу. Сейчас дыхание у него ровное и глубокое, а пульс стал медленнее и сильнее, чем был утром. Я не нахожу ни малейших признаков, свидетельствующих о применении какого-либо известного мне наркотического вещества, а бессознательное состояние пациента не похоже ни на один из случаев гипнотического сна, которые я в свое время наблюдал в клинике Шарко в Париже. Что касается этих ран, – он осторожно дотронулся пальцем до перевязанного запястья левой руки, лежавшей поверх одеяла, – объяснить их происхождение я не в силах. Они могли быть нанесены зубьями ворсовальной машины, но такое предположение, мягко говоря, несостоятельно. Теоретически существует также вероятность, что раны нанесены неким диким зверем, предварительно потрудившимся заточить когти. Однако и такое тоже трудно себе представить. Кстати, не держите ли вы в доме каких-нибудь диковинных домашних животных вроде камышового кота или чего-нибудь подобного?

С печальной улыбкой, от которой у меня защемило сердце, мисс Трелони ответила:

– О нет! Отец не любит животных, разве что мумифицированных. – В голосе ее слышалась то ли горечь, то ли ревность. – Даже моего бедного котика он только терпит в доме. И хотя кот милее и воспитаннее не сыскать в целом свете, он здесь словно преступник на испытательном сроке, и в эту комнату его не пускают.

Не успела она договорить, как кто-то тихонько подергал снаружи дверную ручку. Мгновенно просяив, мисс Трелони вскочила на ноги и быстро направилась к двери.

– А вот и он, мой Сильвио! Он всегда встает на задние лапы и дергает дверную ручку, если хочет зайти в комнату. – Девушка открыла дверь и заговорила с котом, будто с маленьким ребенком: – Ну, кто тут у нас хочет к мамочке? Ты хочешь? Ну заходи, только, чур, от меня ни на шаг! – Она подняла кота на руки и вернулась к нам.

Это было поистине великолепное животное. Шиншилловый перс с длинным шелковистым мехом, царственного вида кот с надменными повадками при очевидном добродушии нрава и с крупными лапами, которые он широко расставлял, спрыгивая наземь. Мисс Трелони принялась ласкать любимца, но тот вдруг извернулся угрем и выскользнул у нее из рук. Пробежав через комнату, он остановился перед низким столиком, где стояла мумия какого-то

животного, и злобно замыкал и зашипел. Девушка мигом кинулась к нему и вновь подхватила на руки; кот яростно брыкался и извивался, пытаясь вырваться, однако не кусался и не царапался, ибо явно любил свою прекрасную хозяйку. Едва оказавшись у нее на руках, он перестал ворчать и шипеть, и мисс Трелони шепотом выговорила ему за непослушание:

– Плохой Сильвио, плохой! Ты нарушил обещание, которое дала за тебя мамочка. А теперь пожелай джентльменам доброй ночи и отправляйся к себе!

С этими словами она взяла лапу Сильвио и подала мне для прощального пожатия. Пожимая мохнатую лапу, я не мог не восхититься ее внушительными размерами и красотой.

– Ух ты! На ощупь похоже на боксерскую перчатку с когтями!

– Оно и неудивительно, – улыбнулась мисс Трелони. – Разве вы не заметили, что у моего Сильвио на лапке семь пальчиков? Вот смотрите! – Она раскрыла кошачью лапу, и на ней действительно оказалось семь коготков, причем каждый был словно заключен в тонкую нежную оболочку, похожую на крохотную раковину. Когда я осторожно погладил внутреннюю сторону лапы, когти выдвинулись, и один из них случайно – ибо кот уже успокоился и лишь умиротворенно мурлыкал – вонзился мне в палец. Отдернув руку, я невольно воскликнул:

– Ого! Да у него когти острые как бритва!

– Вот как? – отрывисто произнес доктор Винчестер, который секунду назад подошел к нам, а теперь наклонился, разглядывая когти, и резко охнул.

Пока я гладил присмирившего кота, доктор прошел к письменному столу, вырвал из бювара лист промокательной бумаги и вернулся к нам. Он положил листок себе на ладонь и, коротко извинившись перед мисс Трелони, поместил на него лапу Сильвио, после чего довольно крепко придавил ее другой рукой. Высокомерный кот, изрядно возмущенный такой бесцеремонностью, попытался выдернуть лапу. Очевидно, именно этого доктор и добивался: вырываясь, кот выпустил когти и оставил на мягкой бумаге несколько царапин. Затем мисс Трелони унесла своего любимца из комнаты.

– Престранная история с этой мумией, знаете ли, – сказала она, возвратившись через несколько минут. – Когда Сильвио впервые пришел в эту комнату – вернее, когда я принесла его, совсем еще крохотным котенком, чтобы показать отцу, – он повел себя точно так же: запрыгнул на столик и принялся царапать и кусать мумию. Отец тогда страшно рассердился и велел выгнать бедного Сильвио вон из дома. И только когда мой котик – через меня – дал слово впредь никогда сюда не соваться ни под каким видом, он неохотно разрешил ему остаться.

Пока мисс Трелони отсутствовала, доктор Винчестер снял повязку с руки ее отца. Поскольку рана была тщательно промыта, глубокие ярко-красные порезы на запястье виднелись отчетливо. Доктор сложил листок перпендикулярно царапинам, оставленным на нем кошачьими когтями, и приложил к ране. Секунду спустя он вскинул торжествующий взгляд и знаком подозвал нас.

Царапины на бумаге в точности совпадали с порезами на запястье! Никаких объяснений не требовалось.

– Лучше бы мастер Сильвио не нарушал свое слово! – заметил доктор.

Последовало продолжительное молчание, потом мисс Трелони воскликнула:

– Но Сильвио не было здесь прошлой ночью!

– Вы уверены? И сможете доказать это при необходимости?

– Я уверена, но, боюсь, доказать это будет трудно, – поколебавшись, ответила девушка. – Сильвио спит в корзине в моей комнате. Вчера вечером я точно уложила его туда. Ясно помню, как укрыла его и подоткнула одеяльце. А сегодня утром я сама достала кота из корзины. Ночью я его здесь точно не видела, хотя это, конечно, ни о чем не говорит: ведь я была слишком взволнована и слишком занята моим бедным отцом, чтобы обращать внимание еще на что-нибудь, даже на Сильвио.

Доктор покачал головой и сказал не без некоторой печали:

– Так или иначе, сейчас уже не имеет смысла что-либо доказывать. Любой кот успел бы слизать с лап все следы крови – если таковые были – и за сотую часть времени, которое прошло с момента несчастья.

Вновь наступило молчание, и вновь его нарушила мисс Трелони.

– Я сейчас подумала и поняла: бедный Сильвио никак не мог поранить отца. Моя дверь была плотно закрыта, когда меня разбудил шум. Закрыта была и дверь отцовской комнаты, когда я подошла к ней и прислушалась. Когда же я вошла, рана у него на запястье уже была, а значит, ее нанесли до того, как Сильвио мог проникнуть в комнату.

Довод звучал убедительно, особенно для меня как для адвоката: присяжные сочли бы такое доказательство вполне удовлетворительным. Я обрадовался, что Сильвио оправдан потому, вероятно, что он был любимцем мисс Трелони. Счастливый кот! Хозяйка Сильвио просияла от радости, когда я объявил:

– Признан невиновным!

Помолчав немного, доктор Винчестер сказал:

– Приношу свои извинения мастеру Сильвио. Но мне не дает покоя вопрос: почему он настроен столь враждебно к этой мумии? Вызывают ли у него такое же раздражение другие мумии в доме? Их здесь, надо полагать, немало. Три я видел в холле.

– О, их здесь великое множество, – ответила мисс Трелони. – Порой я просто не понимаю, где нахожусь: в частном доме или в Британском музее. Но Сильвио нет дела ни до одной из них, кроме этой. Должно быть потому, что это мумия животного, а не мужчины или женщины.

– Возможно, это мумифицированный кот, – предположил доктор и, поднявшись с места, пересек комнату, чтобы рассмотреть мумию поближе. – Да, так и есть: мумия кота, притом превосходная. Не будь он любимцем какой-то очень важной особы, не удостоился бы такой чести. Смотрите! Искусно расписанный картонаж и обсидиановые глаза – в точности как у человеческих мумий. Удивительное все-таки свойство – способность животных распознавать представителей своего вида. Вот мертвый кот, забальзамированный четыре-пять тысяч лет назад, – и другой кот, другой породы, практически из другого мира, готов наброситься на него, словно на живого! Мне хотелось бы немного поэкспериментировать с вашим котом, если вы не против, мисс Трелони.

Поколебавшись, девушка ответила:

– Конечно, делайте все, что считаете нужным и правильным, но, надеюсь, это не причинит никакого вреда или беспокойства моему бедному Сильвио.

– О, с ним все будет хорошо, – улыбнулся доктор. – Я приберегу свое сочувствие для другого участника эксперимента.

– Как вас понимать?

– Мастер Сильвио будет нападать, а пострадать придется другому коту.

– Пострадать? – с тревогой переспросила девушка.

Улыбка доктора стала шире.

– Прошу вас, не волнуйтесь. Другой кот не пострадает в нашем понимании этого слова – ну разве что наружные покровы и общее строение.

– Бога ради, о чем вы говорите?

– Всего-навсего о том, моя дорогая юная леди, что вторым участником эксперимента станет забальзамированный кот вроде этого. Полагаю, мне не составит труда приобрести подобную мумию на Мьюзеум-стрит. Я поставлю ее здесь на столик вместо вашей – надеюсь, вы не сочтете, что мы нарушим волю вашего отца, если произведем на некоторое время такую замену. И тогда мы первым делом выясним, питает ли Сильвио неприязнь к любой кошачьей мумии или же только к этой.

– Даже не знаю, – неуверенно проговорила мисс Трелони. – Мне кажется, распоряжения отца должны выполняться неукоснительно. – Немного помолчав, она продолжила: – Но, разу-

меется, в нынешних обстоятельствах мы обязаны сделать все, что в конечном счете послужит ему во благо. Вряд ли эта мумия имеет какое-то особенное значение.

Доктор Винчестер ничего не ответил. Он сидел неподвижно, с таким сосредоточенно-серьезным лицом, что часть его серьезности передалась и мне, – и я вдруг яснее прежнего осознал всю странность дела, в которое оказался столь глубоко вовлечен. Мысль эта, однажды возникнув, безраздельно завладела мною. Она росла, развивалась, пускала ростки и размножалась тысячью разных способов. Самая комната со всем, что в ней находилось, служила благодатной почвой для странных мыслей. Здесь было так много древних артефактов, что воображение невольно переносило любого в неведомые земли и неведомые времена. Здесь было так много мумий и связанных с ними предметов, которые источали всепроникающие запахи битума, камеди и пряностей – «Черкассии и нарда ароматы», – что всякий, независимо от своего желания, погружался в раздумья о незабвенном прошлом. Разумеется, комната освещалась слабо и лишь тщательно затемненными светильниками – ни лучика прямого яркого света, что являет собой самостоятельную силу или самостоятельную сущность, готовую войти в дружеские отношения с вами. Даже невзирая на огромные размеры комнаты, потолок в ней казался слишком уж высоким. Здесь нашлось место для великого множества предметов, какие не часто встретишь в обычной спальне. В дальних углах сгущались причудливые зловещие тени. Присутствие многочисленных мертвецов и дыхание древнего прошлого ощущались мной столь остро, что я не раз боязливо озирался по сторонам, словно ожидая увидеть поблизости некую странную личность или подпасть под чье-то постороннее влияние. В такие моменты меня не успокаивало даже то, что рядом находились доктор Винчестер и мисс Трелони. Поэтому я испытал невыразимое облегчение, когда в комнате появился еще один человек, а именно сиделка Кеннеди. Эта деловитая, уверенная в себе, расторопная молодая женщина, несомненно, привнесла элемент безопасности в мир моего взбудораженного воображения. От нее исходила эманация здравомыслия, которая пронизывала все и вся вокруг. Вплоть до прихода сиделки я строил самые разные и самые дикие догадки насчет нашего бесчувственного подопечного – и, в конце концов, все вокруг него, включая даже меня самого, вовлеклось в мои фантазии, переплелось с ними, пропиталось ими... Но с появлением мисс Кеннеди все разом встало на свои места: мистер Трелони – просто жертва несчастного случая или нападения; комната эта – всего лишь покой больного, а тени в углах – самые обычные, и ничего зловещего в них нет. Единственное, от чего я никак не мог полностью отрешиться, так это странный египетский аромат. Можно заключить мумию в стеклянный сосуд и наглухо запечатать, дабы она не подвергалась разъедающему воздействию воздуха, но даже сквозь стекло она все равно будет источать своеобразный запах. Кто-то может подумать, будто за четыре-пять тысячелетий любые предметы утрачивают все воздействующие на обоняние свойства, но опыт показывает, что мумии сохраняют свой запах и секрет его по-прежнему не разгадан. Ныне мы знаем о нем столь же мало, как знали люди в древние времена, когда бальзамировщики погружали мертвое тело в содовую ванну.

Я резко выпрямился в кресле, возвращаясь к яви из мира грез. Похоже, египетский запах подействовал на мои нервы... память... самую волю.

Меня вдруг осенила мысль, которая была сродни вдохновению: если запах мумий столь сильно повлиял на меня, не могло ли оказаться так, что человек, который провел в этой атмосфере полжизни или даже больше, постепенно, медленно, но неотвратимо вбирал в свой организм какие-то летучие вещества, которые, достигнув определенной концентрации, преобразовались в некую новую силу неведомой природы, воздействующую на него... или же... или...

Я поймал себя на том, что вновь погружаюсь в забытье. Э нет, так дело не пойдет. Мне нужно принять меры, чтобы оставаться бодрствующим и не предаваться размышлениям, ввергающим в подобие транса. Прошлой ночью я спал всего несколько часов, и сегодня мне предстоит бодрствовать всю ночь. Не сообщая о своем намерении, дабы не усугублять беспокой-

ство и тревогу мисс Трелони, я тихонько покинул комнату, спустился вниз и вышел из дому. Я нашел поблизости лавку аптекаря, где приобрел респиратор. Когда я вернулся, было уже десять и доктор собирался уходить. Сиделка проследовала с ним до двери спальни больного, выслушивая последние наставления. Мисс Трелони неподвижно сидела у постели отца. Сержант Доу, появившийся сразу после ухода врача, стоял поодаль.

Когда к нам присоединилась сиделка Кеннеди, мы условились, что она будет дежурить до двух часов ночи, после чего ее сменит мисс Трелони. Таким образом, в соответствии с распоряжениями мистера Трелони в комнате будут постоянно находиться мужчина и женщина. А сменяться мы будем не парами, а по одному, дабы каждый новый наблюдатель мог узнавать обо всех переменах в состоянии пациента, если таковые произойдут, и сообщать о них напарнику, который появляется позже. Распорядившись, чтобы кто-нибудь из слуг разбудил меня незадолго до полуночи, я лег на диван в отведенной мне комнате и мгновенно заснул.

По пробуждении мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, кто я такой и где нахожусь. Короткий сон, впрочем, пошел мне на пользу, и теперь я уже мог оценивать положение вещей более трезво, чем до того. Я ополоснул лицо холодной водой и, освежившись таким образом, направился в комнату мистера Трелони. Я двигался очень тихо. Сестра Кеннеди неподвижно сидела возле постели больного, не спуская с него бдительного взора; детектив расположился в кресле в другом конце спальни, погруженном во мрак.

Пока я шел через комнату, Доу не шелохнулся, но когда приблизился к нему, глухо прошептал:

– Все в порядке, я ни на миг не сомкнул глаз!

«Необходимость в таких заверениях, – подумалось мне, – возникает лишь тогда, когда они не вполне соответствуют истине». Я сказал Доу, что заступаю на дежурство и он может идти спать, а в шесть утра я его разбужу. Детектив с явным облегчением вскочил с кресла и поспешил прочь, но у самой двери остановился, повернулся кругом и подошел ко мне.

– Я сплю чутко, и револьвер будет у меня под рукой, – вполголоса произнес он. – А тяжесть у меня в голове пройдет, как только я перестану дышать запахом мумий.

Значит, он тоже, как и я, чувствовал сонливость, находясь здесь!

Я спросил у сиделки, не нужно ли ей чего. На коленях у женщины я заметил флакончик с нюхательной солью. Несомненно, царивший в комнате запах оказывал снотворное действие и на нее. Сиделка ответила, что ни в чем не нуждается, но если ей что-нибудь понадобится, она тотчас даст мне знать. Я не хотел, чтобы она увидела мой респиратор, а потому прошел к креслу, стоявшему в тени у нее за спиной. Удобно расположившись там, я надел защитную маску.

Какое-то время, показавшееся мне довольно долгим, я сидел, погруженный в раздумья. В голове моей беспорядочно теснились самые разные мысли – оно и неудивительно, если учесть все события предыдущего дня и ночи. Потом я снова стал думать о египетском запахе и, помнится, испытал приятное удовлетворение от того, что больше не ощущаю его. Респиратор делал свое дело.

Должно быть, избавление от тревоги, связанной со странным запахом, способствовало полному успокоению моего ума, в свою очередь вызвавшему полное телесное расслабление: не помню, чтобы я засыпал или просыпался, но мне вдруг явилось видение или приснился сон... не знаю, что именно это было.

Я по-прежнему находился в комнате и сидел все в том же кресле. На мне был респиратор, и я сознавал, что дышу свободно. Сестра Кеннеди сидела спиной ко мне, совершенно неподвижно. И больной лежал совершенно неподвижно, словно мертвец. Все это больше походило на немую сцену из какого-то спектакля, нежели на реальность. Все молчали, никто не шевелился. Снаружи доносились приглушенные звуки города: стук колес по мостовой, крики запоздалых гуляк, далекое эхо паровозных свистков и грохот поездов. Комната была едва осве-

щена: тусклый свет, пробивавшийся сквозь зеленый абажур лампы, почти не рассеивал мрак. Бахрома шелкового абажура цветом походила на изумруд в бледных лунных лучах. Комната, несмотря на темноту, была полна теней. Моему взбудораженному воображению представилось, будто все предметы вокруг обратились черными тенями, которые двигались и изредка проплывали на фоне смутно видневшихся оконных проемов. Мне даже померещился какой-то звук поблизости, похожий на тихое кошачье мяуканье, потом послышался шорох портьеры и легкое позвякивание, будто металл прикоснулся к металлу. Наконец, словно в ночном кошмаре, я осознал, что все это сон и что, вступив в его пределы, я напрочь лишился собственной воли.

Уже в следующий миг я полностью очнулся. В уши ударил пронзительный крик, комната внезапно наполнилась ярким светом. Прогрелись пушечные выстрелы: один, второй, – и по комнате поплыл тонкий белый дымок. Когда мои глаза привыкли к свету, я увидел нечто такое, что и сам чуть не завопил от ужаса.

Глава 4

Вторая попытка

Представшее моему взору зрелище походило на страшный сон во сне, но обладающий всей достоверностью яви. Комната выглядела так же, как прежде, только теперь была залита ярким светом многочисленных ламп и все предметы обрели надежную и несомненную реальность.

В кресле возле опустевшей постели сидела сестра Кеннеди в той же позе, в какой я ее видел за секунду до того, как погрузился в забытие. Она сидела выпрямившись (ибо нарочно положила за спину подушку, чтобы не сутулиться), но ее шея сохраняла неестественную неподвижность, как у человека, находящегося в каталептическом трансе. Собственно говоря, женщина вся словно бы обратилась в камень. На лице ее не отражалось ничего: ни страха, ни ужаса, – вообще никаких чувств, которые, казалось бы, должен испытывать любой в подобном состоянии. В глазах не было ни удивления, ни любопытства. Она попросту превратилась в существо, лишенное всякого разума и сознания: теплое, ровно дышащее, невозмутимое, но совершенно равнодушное к окружающему миру. Постельное белье пребывало в беспорядке, как если бы нашего подопечного стянули с кровати, не откидывая покрывал. Угол верхней простыни свисал до самого пола, рядом валялся один из бинтов, которыми доктор перевязал раненое запястье. Поодаль валялся второй бинт, а еще дальше – третий, словно указывая на то место, где находился теперь мистер Трелони. Он лежал почти там же, где его обнаружили прошлой ночью: перед большим сейфом, – и опять вытянув к нему левую руку. Однако на сей раз над ним учинили новое насилие: кто-то предпринял попытку отрубить его кисть, дабы завладеть браслетом с маленьким ключиком, и воспользовался для этого снятым со стены ножом-кукри – тяжелым оружием с широким листовидным лезвием, какое в ходу у гурков и прочих горных племен Индии. Очевидно, в последний момент что-то помешало удару, и лезвие вошло в плоть не режущей кромкой, а только острием. Запястье с внешней стороны было проколото до кости, и рана обильно кровоточила. Вдобавок прежние раны были зверски искромсаны, истерзаны, и из одной толчками, в такт ударам сердца, хлестала кровь. Мисс Трелони, в белой ночной сорочке, стояла на коленях подле отца, в луже крови. Посреди комнаты сержант Доу – в рубашке, брюках и носках – с отсутствующим видом машинально перезаряжал револьвер. Глаза у него были красные и осоловелые: похоже, он еще не вполне проснулся и плохо соображал, что происходит вокруг. Несколько слуг со всевозможными светильниками в руках столпились около двери.

Когда я встал с кресла и двинулся вперед, мисс Трелони вскинула взгляд – и с пронзительным криком вскочила на ноги, показывая на меня пальцем. До окончания дней своих я не забуду, сколь странное зрелище являла она собою тогда, в просторном белом одеянии, снизу насквозь пропитанном кровью, которая струйками потекла на ее босые ступни, когда девушка поднялась с пола. Полагаю, что я просто заснул, и потому таинственное влияние, которое испытывали на себе мисс Трелони, сиделка Кеннеди и, хотя и в меньшей степени, сержант Доу, меня не затронуло. Респиратор сослужил мне добрую службу, хотя и не предотвратил трагедию, страшные свидетельства которой предстали моим глазам. Сейчас я понимаю, да и тогда сразу понял, почему мой внешний вид так испугал девушку, и без того уже смертельно напуганную случившимся. Я все еще оставался в респираторе, закрывавшем рот и нос, а волосы мои были всклокочены со сна. Должно быть, в причудливом свете многочисленных ламп, с маской на лице и растрепанный, я произвел поистине жуткое впечатление на объятых страхом людей, перед которыми внезапно появился. По счастью, я осознал это как раз вовремя, чтобы отвести еще одну беду: детектив, по-прежнему плохо соображавший, машинально направил на меня

револьвер, но я успел сдернуть респиратор и остановить сержанта окриком. Он подчинился, все так же машинально, и в его красных полусонных глазах не появилось ни проблеска мысли, который говорил бы о том, что он отдает себе отчет в своих действиях. Впрочем, так или иначе, опасность миновала. Напряжение, как ни странно, разрядилось самым заурядным образом: миссис Грант, увидев свою молодую хозяйку в одной лишь ночной рубашке, принесла халат и набросила ей на плечи. Это простое действие вернуло всех нас к реальности. Шумно выдохнув единой грудью, мы занялись самым неотложным делом: требовалось остановить кровотечение из руки раненого. При одной мысли о такой необходимости я возликовал – ведь кровотечение означало, что мистер Трелони все еще жив.

Урок прошлой ночи не прошел даром. Иные из присутствующих хорошо усвоили, что надо делать в подобном случае, и уже через считанные секунды старательные руки накладывали турникет на запястье несчастного. Одного слугу тотчас отправили за доктором, а несколько других удалились, дабы привести себя в порядок. Мы перенесли мистера Трелони на диван, где он лежал накануне, и, сделав для него все возможное, перевели наше внимание на сестру Кеннеди. В продолжение суматохи она ни разу не шелохнулась – сидела все так же прямо и неподвижно, дышала спокойно и ровно, с безмятежной улыбкой на губах. Поняв, что до прихода доктора бесполезно пытаться привести ее в чувство, мы принялись обдумывать общее положение дел.

Миссис Грант меж тем увела свою хозяйку и помогла ей переодеться. Вскоре мисс Трелони вернулась: в халате и домашних туфлях, с дочиста отмытыми от крови руками. Она уже отчасти пришла в себя, хотя по-прежнему дрожала всем телом и была мертвенно-бледна. В то время как я придерживал турникет, девушка осмотрела перевязанное запястье отца, а затем медленно обвела глазами комнату, подолгу задерживая взгляд на каждом из нас, словно искала, но не находила утешения. Она явно не знала, с чего начать и кому довериться, а потому, желая ее успокоить, я сказал:

– Со мной все порядке, я просто спал.

– Спали! – задыхаясь, проговорила мисс Трелони. – Вы спали! Когда мой отец в опасности! А я-то думала, вы бдительно следите за ним!

Упрек, хотя и справедливый, уязвил меня, но я, искренне желая помочь ей, спокойно ответил:

– Да, просто спал. Это нехорошо, я знаю. Но дело у нас обстоит далеко не «просто». Не прими я известных мер предосторожности, возможно, находился бы сейчас в таком же состоянии, что и сиделка.

Мисс Трелони бросила быстрый взгляд на странную фигуру, которая неестественно прямо сидела в кресле, похожая на раскрашенную статую. Лицо девушки смягчилось, и она с обычной своей любезностью извинилась:

– Простите меня! Я не хотела быть грубой. Но я в таком смятении и страхе, что сама толком не понимаю, что говорю. Ах, это ужасно! Я каждую секунду ожидаю какой-нибудь новой беды, страшной и непостижимой.

Слова ее поразили меня в самое сердце, и я заговорил со всей горячностью:

– Не переживайте из-за меня! Я этого не заслуживаю. Я заснул во время дежурства. В свое оправдание могу сказать лишь, что изо всех сил боролся со сном, но он незаметно овладел мной. Как бы то ни было, тут уже ничего не поправить. Возможно, когда-нибудь мы выясним все обстоятельства этой истории, а пока давайте попробуем хоть как-то объяснить случившееся. Расскажите мне все, что помните!

Мисс Трелони собралась с мыслями, и это умственное усилие, похоже, подействовало на нее благотворно: она заговорила гораздо более спокойно:

– Я спала, но внезапно проснулась с ужасным чувством, что жизни отца угрожает смертельная опасность. Вскочив с кровати, я в чем была бросилась сюда. В комнате стояла почти

кромешная тьма, но мне удалось разглядеть белую ночную рубашку отца, лежавшего на полу возле сейфа, как и прошлой ночью. Затем, как мне кажется, у меня ненадолго помутился рассудок. – Она умолкла и вздрогнула.

Я перевел взгляд на сержанта Доу, по-прежнему бесцельно крутившего в руках револьвер, и спокойно спросил:

– Скажите нам, сержант Доу, в кого или во что вы стреляли?

Полисмен встрепенулся, и привычка подчиняться приказам помогла ему наконец овладеть собой. Оглядев оставшихся в комнате слуг, он промолвил с внушительным видом, какой, полагаю, всем блюстителям закона предписано принимать перед посторонними людьми:

– Не кажется ли вам, сэр, что мы уже можем отпустить слуг? Так нам будет удобнее обсудить дело.

Я одобрительно кивнул. Поняв намек, слуги, хотя и неохотно, покинули комнату. Когда последний из них закрыл за собой дверь, детектив продолжил:

– Пожалуй, сэр, я лучше расскажу о своих впечатлениях и ощущениях, а не о конкретных действиях. Расскажу так, как мне запомнилось. – Теперь он держался смущенно и почтительно – потому, вероятно, что осознавал всю неловкость своего положения. – Я лег спать полуодетым – в том, что и сейчас на мне. Револьвер положил под подушку, с мыслью о нем и заснул. Сколько проспал – не знаю. Электрический свет я погасил, и в комнате было довольно темно. Кажется, меня разбудил чей-то крик, но точно не скажу, потому что в голове у меня все туманилось, как у человека, которому не дали выспаться после тяжелой сверхурочной работы, – хотя здесь совсем другой случай, конечно. В общем, я мигом вспомнил о револьвере и, схватив его, выбежал на лестничную площадку. Затем я ясно услышал крик – вернее, призыв о помощи – и вбежал в эту комнату. Она была погружена в глубокий мрак: лампа рядом с сиделкой не горела, и темноту рассеивал лишь слабый свет, проникавший через открытую дверь с площадки. Мисс Трелони стояла на коленях около своего отца и пронзительно кричала. Мне почудилось, будто между мной и окном движется какая-то тень, и я – в своем полусонном, полуневменяемом состоянии – без всякого раздумья выстрелил в нее. Тень немного переместилась вправо, к простенку между окнами, и я нажал на спусковой крючок еще раз. А потом вы вскочили с кресла, с этой вашей штуковиной на лице. И мне показалось... повторяю, тогда я еще не вполне проснулся и плохо соображал; уверен, вы это учтете, сэр... так вот, поскольку существо, в которое я стрелял, переместилось в вашу сторону, я принял вас за него. И уже собрался было выстрелить еще раз, но тут вы сорвали маску.

Я задал следующий вопрос (приступив к перекрестному допросу и почувствовав себя полностью в своей тарелке):

– То есть вы приняли меня за существо, в которое стреляли секундой раньше? Что за существо это было?

Сержант почесал затылок и ничего не ответил.

– Ну же, сэр, постарайтесь вспомнить, – настаивал я. – Что за существо такое? Как оно выглядело?

– Не знаю, сэр, – тихо ответил полицейский. – Мне показалось, я увидел что-то... но что именно это было или как выглядело, я не имею ни малейшего понятия. Наверное, все вышло так нехорошо потому, что, перед тем как заснуть, я думал о револьвере, а когда прибежал сюда – еще не проснулся толком и был как в тумане... каковое обстоятельство, надеюсь, вы накрепко запомните, сэр. – Он цеплялся за эту формулу извинения, как утопающий за соломинку.

Я не желал сеять рознь между нами, а хотел, напротив, чтобы мы с ним были заодно. Кроме того, я и сам чувствовал себя виноватым за собственный промах, а посему сказал самым доброжелательным тоном:

– Все верно, сержант. Ваш порыв был совершенно естественным. Разумеется, поскольку вы находились в полусонном состоянии и, вероятно, еще не вполне освободились от странного

влияния, усыпившего меня и погрузившего сиделку в каталептический транс, никак нельзя было ожидать, что вы станете тратить время на раздумья. Но сейчас давайте достоверно установим по свежим следам, где сидел я и где стояли вы. Тогда мы сможем проследить и траекторию полета выпущенных вами пуль.

Необходимость применить свои профессиональные навыки заставила полисмена разом сосредоточиться. Он стал совсем другим человеком, едва приступил к делу. Попросив миссис Грант подержать турникет, я подошел к Доу и посмотрел в темноту, туда, куда он указывал. Пока он демонстрировал мне, где стоял, как выхватывал револьвер из кармана и целился, я невольно отметил механическую точность его памяти. Кресло, с которого я недавно поднялся, оставалось на прежнем месте. Чтобы найти след от пули, я попросил сержанта еще раз показать мне направление выстрела, только не револьвером, а пальцем.

За моим креслом, чуть поодаль от него, стоял высокий инкрустированный шкафчик. Его стеклянная дверца была разбита.

– Вы стреляли в эту сторону в первый раз или во второй? – спросил я.

Ответ прозвучал тотчас же:

– Во второй. Первый выстрел я произвел вон туда!

Он указал чуть левее, на стену, у которой стоял большой сейф. Проследовав туда, я подошел к столику, где среди прочих диковинных предметов покоилась кошачья мумия, приводившая Сильвио в ярость. Взяв свечу, я сразу обнаружил след, оставленный пулей. Она разбила стеклянную вазочку и чашу из черного базальта с изящно выгравированными на ней иероглифами – линии гравировки были заполнены зеленоватым известковым веществом и гладко заполированы вровень с поверхностью сосуда. Сама пуля при ударе о стену сплюснулась и теперь лежала здесь же на столике.

Я вернулся к шкафчику с разбитой дверцей. Очевидно, он служил хранилищем для более ценных предметов: в нем находились золотые фигурки скарабеев и различные безделки из агата, зеленой яшмы, аметиста, лазурита, опала, гранита и сине-зеленого фарфора. Ни одна из них, по счастью, не пострадала. Пуля пробила заднюю стенку шкафчика, но никакого иного ущерба, помимо разбитого стекла, не причинила. Я не мог не заметить, сколь странно расположены вещицы на полке. Скарабеи, браслеты, амулеты и прочее были разложены неровным овалом вокруг золотой статуэтки тонкого литья, которая изображала божество с соколиной головой, увенчанной диском и двойным султаном. Подробно все рассматривать я не стал, потому что сейчас моего внимания требовали более насущные дела, но решил при первой же возможности тщательно исследовать содержимое шкафчика. Эти древности тоже источали странный египетский аромат: от них сквозь расколотое стекло тянуло запахом пряностей, камеди и битума – тянуло даже сильнее, чем от других предметов в комнате.

На все наши следственные действия ушло не более пяти минут, и я немало удивился, увидев в зазорах между оконными рамами и темными шторами бледный свет занимавшегося утра. Когда я сменил миссис Грант у дивана, та подошла ко всем окнам поочередно и подняла шторы.

Трудно вообразить себе картину более безотрадную, чем являла собою та комната в призрачном предутреннем свете. Так как окна выходили на север, проникавший в них свет был равномерно серым, без малейшего намека на розовый оттенок зари, брезжившей на востоке. Электрические лампы казались одновременно тусклыми и ослепительными; тени были резкими и глубокими. Ни утренней свежести, ни ночной мягкости не ощущалось здесь: все дышало холодной суровостью и невыразимым унынием. Лицо мужчины, лежавшего без чувств на диване, было мертвенно-желтым, а лицо сиделки, освещенное лампой с зеленым абажуром, приобрело зеленоватый оттенок. Только лицо мисс Трелони оставалось блее мела – таким бескровно-бледным, что у меня сердце разрывалось при виде ее. Казалось, ничто на божьем свете уже никогда не сможет вернуть этому лицу краски жизни и счастья.

Мы все вздохнули с облегчением, когда в комнату вошел запыхавшийся от бега доктор Винчестер. Он задал лишь один вопрос:

– Кто-нибудь знает, как и чем нанесена рана?

Окинув нас взглядом и увидев, что все качают головой, молодой медик без дальнейших слов занялся пострадавшим. Немного погодя он вскинул глаза на застывшую в кресле сиделку, но тотчас же, хмуро сдвинув брови, вернулся к своей хирургической работе. Только когда порванные артерии были сшиты и раны аккуратно перебинтованы, доктор заговорил снова (если не считать, конечно, двух-трех раз, когда он коротко просил что-нибудь подать или как-либо пособить ему).

– Что стряслось с сестрой Кеннеди? – осведомился он, обращаясь к мисс Трелони.

– Понятия не имею, – быстро отозвалась девушка. – Когда я вошла в комнату в половине третьего, она сидела неподвижно, в точности так, как сейчас. Мы к ней не прикасались и позы ее не меняли. С тех пор она ни на миг не приходила в сознание. Даже выстрелы сержанта Доу никак на нее не подействовали.

– Выстрелы? Стало быть, вы обнаружили виновника этого нового преступления?

Все молчали, а потому ответил я:

– Увы, мы ничего не обнаружили. Я находился в комнате вместе с сиделкой. Еще накануне вечером я предположил, что запах мумий вгоняет меня в сон, а потому сходил в аптекарскую лавку за респиратором. Заступив на дежурство, я тотчас же надел маску, но она не помогла: я все равно заснул. По пробуждении я увидел, что в комнате полно народу: тут были мисс Трелони, сержант Доу и слуги. Сиделка застыла в кресле в той же позе, в какой я видел ее прежде. Сержант спросонья – и вдобавок под остаточным действием того же запаха или еще чего-то, что одурманило нас с сиделкой, – вообразил вдруг, будто видит в полутьме комнаты какое-то движение, и дважды выстрелил. Когда я встал с кресла, с респиратором на лице, сержант принял меня за виновника всех несчастий и, вполне естественно, уже собрался нажать на спусковой крючок еще раз, но я, к счастью, успел вовремя сорвать респиратор. Мистер Трелони лежал на полу возле сейфа, там же, где и прошлой ночью, и истекал кровью, хлеставшей из новой раны на запястье. Мы перенесли его на диван и наложили на руку турникет. Вот, собственно, и все, что нам известно. Нож мы не трогали – вон он валяется рядом с кровавой лужей. – Я подошел к сейфу и поднял нож с пола. – Смотрите! На острие запекшаяся кровь.

Какое-то время доктор Винчестер стоял неподвижно и молчал, потом наконец произнес:

– Выходит, события сегодняшней ночи столь же таинственны, как и вчерашние?

– Именно так! – подтвердил я.

Ничего не сказав мне в ответ, доктор повернулся к мисс Трелони.

– Нам лучше перенести сиделку Кеннеди в другую комнату. Полагаю, это не вызовет затруднений?

– Ни малейших! Прошу вас, миссис Грант, позаботьтесь, чтобы комнату сиделки Кеннеди приготовили должным образом, и велите двум слугам перенести ее туда.

Домоправительница быстро удалилась и довольно скоро вернулась.

– Комната готова, и слуги здесь, – доложила она.

Два лакея, вошедших по ее зову, подняли с кресла одеревенелое тело сиделки Кеннеди и под наблюдением доктора вынесли прочь. Мисс Трелони осталась со мной возле больного, а миссис Грант проследовала за доктором в комнату сиделки.

Когда мы оказались наедине, девушка подошла ко мне и, взяв за обе руки, промолвила:

– Надеюсь, вы забудете мои резкие слова. Я не хотела вас обидеть: просто не помнила себя от смятения и тревоги.

Вместо ответа я сжал ее руки и поцеловал, одну и другую. Целовать женщине руки можно по-разному. Сейчас я хотел выразить исключительно свое глубокое почтение к мисс Трелони, и она приняла мой жест с благородным достоинством, коим всегда были исполнены ее манеры и

каждое движение. Я подошел к дивану и посмотрел на бесчувственного мужчину. За последние несколько минут заря окончательно вступила в свои права, и в воздухе уже появился первый намек на дневной свет. Глядя на суровое холодное лицо, белое как мрамор в бледных сумерках, я опять невольно проникся ощущением, что за событиями минувших двадцати шести часов стоит какая-то глубокая тайна. За этими нависшими бровями, за этим высоким широким лбом скрывалась некая продуманная идея величайшей важности, некий грандиозный замысел, и тяжелый квадратный подбородок выражал решимость осуществить его. Я смотрел на мистера Трелони и терялся в догадках, и мало-помалу мысли мои начали блуждать, разбредаться – прошлой ночью подобная рассеянность ума предшествовала погружению в сон. Я противился дремоте, изо всех сил цепляясь за явь, и сделать это стало значительно легче, когда мисс Трелони подошла, склонила голову мне на плечо и беззвучно заплакала. Все мужские качества разом пробудились во мне и сосредоточились на единственной цели. Говорить что-либо не имело смысла, ибо наши чувства нельзя было передать словами. Но мы ясно поняли друг друга, и она не отстранилась, когда я, словно защищая, обнял ее за плечи, как в далеком прошлом обнимал маленькую сестренку, в детских своих горестях приходившую за утешением к старшему брату. Сам этот покровительственный жест, самое поза еще больше утвердили меня в намерении оберегать девушку и, казалось, вернули к действительности мой празднично блуждавший ум. Однако, движимый тем же инстинктом защитника, я быстро убрал руку с плеча мисс Трелони, когда за дверью послышались шаги доктора.

Войдя в комнату и подступив к кровати, он долго и пристально вглядывался в пациента: брови хмуро сдвинуты, плотно сжатые губы превратились в тонкую линию.

– В бессознательном состоянии вашего отца и сестры Кеннеди много общего, – наконец заговорил он. – Чем бы оно ни было вызвано, в обоих случаях наблюдаются схожие признаки. Но у сиделки ступор не столь глубокий. Полагаю, ей мы сумеем помочь успешнее и быстрее, чем этому нашему пациенту, так как в ее случае руки у нас ничем не связаны. Я поместил сестру Кеннеди на сквозняке, и у нее уже проявляются – хотя и очень слабо – признаки, характерные для обычного обморока. Одеревенелость конечностей понемногу проходит, кожа стала более чувствительной – или, точнее сказать, менее нечувствительной – к болевым раздражителям.

– Но почему же тело мистера Трелони, давно уже пребывающего в бессознательном состоянии, совершенно не утратило гибкости? – спросил я.

– На этот вопрос у меня нет ответа. Возможно, все прояснится буквально через несколько часов, а возможно, лишь через несколько дней. Но этот урок диагностики будет чрезвычайно полезен для современной медицины, а может стать, и для медицины будущего, как знать! – закончил доктор с пылом человека, страстно увлеченного своим делом.

Все утро доктор сновал из одной комнаты в другую, взволнованно наблюдая за обоими пациентами. Он велел миссис Грант неотлучно находиться при сиделке, а у постели раненого постоянно дежурили либо миссис Трелони, либо я, а чаще всего мы вдвоем. Тем не менее и ей, и мне все же удалось выкроить время, чтобы помыться и переодеться, а пока мы завтракали, за мистером Трелони присматривали доктор и домоправительница.

Сержант Доу отправился сначала в Скотленд-Ярд с докладом о событиях минувшей ночи, а затем в местный участок, чтобы вызвать к нам своего товарища Райта согласно договоренности со старшим офицером Доланом. Когда он вернулся, я невольно предположил, что бедняге крепко досталось от начальства за стрельбу в комнате больного или просто за стрельбу без законных оснований. Замечание, которое обронил сержант, несколько прояснило для меня дело:

– Что бы там ни говорили, сэр, а хорошая репутация чего-то да стоит. Видите? У меня даже не отобрали револьвер.

Тот день был долгим и беспокойным. Ближе к вечеру состояние сиделки Кеннеди заметно улучшилось: одеревенелость конечностей прошла полностью. Женщина по-прежнему дышала тихо и ровно, но лицевые мышцы ее расслабились, веки сомкнулись, и теперь она больше походила на человека, спящего обычным глубоким сном. Тогда же доктор Винчестер привел еще двух сиделок – одной предстояло приглядывать за сестрой Кеннеди, а другой – при необходимости подменять миссис Трелони, которая твердо положила остаться с отцом на всю ночь. Чтобы набраться сил перед ночным бдением, девушка поспала несколько часов днем. Посоветовавшись, мы установили такой распорядок дежурств: миссис Грант останется у постели нашего подопечного до полуночи, потом ее сменит мисс Трелони. Новая сиделка будет бодрствовать в комнате последней и каждые четверть часа заглядывать к больному. Доктор будет дежурить до двенадцати, а затем на пост заступлю я. Либо один, либо другой детектив всю ночь будет находиться в пределах слышимости из комнаты и также навещать туда время от времени. Таким образом, сами наблюдатели тоже будут под наблюдением, что исключит вероятность трагических событий, какие произошли прошлой ночью, когда сразу обоих дежурных одолел сон.

После захода солнца всеми нами овладело странное, мрачное беспокойство, и каждый из нас по-своему приготовился к бодрствованию. Доктор Винчестер, памятуя о моем респираторе, решил сходить за таким же средством защиты для себя. На самом деле он столь высоко оценил мою идею, что я убедил мисс Трелони тоже приобрести респиратор.

И вот наступила ночь.

Глава 5

Новые странные распоряжения

Придя в половине двенадцатого в комнату больного, я нашел в ней полный порядок. Новая сестра, опрятная, строгая и бдительная, сидела у постели в том же кресле, что и сестра Кеннеди прошлой ночью. Немного поодаль, между кроватью и сейфом, сидел настороженный доктор Винчестер без сна в глазу. Он выглядел странно и почти что комично в респираторе, закрывавшем рот и нос. Пока я стоял в дверях, сзади послышался слабый шорох. Обернувшись, я увидел нового детектива – он кивнул мне, приложил палец к губам и бесшумно удалился. Значит, пока еще ни одного из наблюдателей сон не одолел.

Я уселся на стул с наружной стороны двери. Входить раньше времени в комнату, рискуя поддаться усыпительному воздействию таинственной незримой субстанции, не было ни малейшей надобности. Мысли мои, само собой, вращались вокруг событий минувших суток, порождая самые несуразные умозаключения, вопросы и догадки, но на сей раз я не забывался в грезах, как прошлой ночью. Чувство реальности ни на миг меня не покидало, и я ощущал себя часовым на посту. Размышление – процесс далеко не медленный, и, когда думаешь о чем-нибудь сосредоточенно, время летит очень быстро. Мне показалось, что я просидел там совсем недолго, – но вот уже дверь, по нашей договоренности слегка приоткрытая, широко распахнулась и из комнаты вышел доктор Винчестер, на ходу снимая респиратор. Он отвернул наружный фильтр маски и осторожно его понюхал, тем самым в очередной раз показав пылливость своего ума.

– Я уйду домой, – сообщил он мне, – и вернусь рано утром, если, конечно, меня не вызовут среди ночи. Но сегодня, похоже, все спокойно.

Следующим на пост заступил сержант Доу – на цыпочках вошел в комнату и расположился в кресле, где перед тем сидел доктор. Я по-прежнему оставался снаружи, но то и дело заглядывал внутрь – впрочем, скорее просто для порядка, нежели с какой-то практической целью: в комнате стояла такая темень, что ничего не разглядишь даже из тускло освещенного коридора.

Незадолго до двенадцати мисс Трелони появилась из своей спальни. Прежде чем направиться к отцу, она посетила комнату, где почивала сиделка Кеннеди, и почти сразу вышла оттуда с несколько повеселевшим видом. Респиратор девушка держала в руке, но, перед тем как его надеть, спросила меня, не произошло ли чего-нибудь необычного, пока она спала. Приглушенным голосом (этой ночью в доме все разговаривали полупшепотом) я ответил, что все в порядке и все спокойно. Потом мы надели респираторы и тихо переступили порог комнаты. Сиделка и детектив встали, и мы заняли их места. Сержант Доу пропустил вперед женщину и осторожно притворил за собой дверь, как у нас было условлено.

Какое-то время я сидел совершенно неподвижно, с громко бьющимся сердцем. Зловещую темноту рассеивал лишь слабый свет лампы, который ложился мутно-белым круглым пятном на высокий потолок и сочился сквозь зеленый абажур, по низу отливавший изумрудом. Однако свет этот только подчеркивал густую черноту населявших комнату теней, которые вскоре, как и минувшей ночью, словно задышали, зашевелились и зажили собственной жизнью. Спать мне совсем не хотелось, и мисс Трелони тоже в полной мере бодрствовала, в чем я убеждался всякий раз, когда вставал и подходил посмотреть на нашего подопечного, то есть каждые десять минут. Каждую четверть часа в комнату заглядывал то один, то другой полисмен и, услышав наше с мисс Трелони «все в порядке», приглушенное респираторами, снова прикрывал дверь.

Время шло, тишина и темнота, казалось, сгущались все больше. Круг света на потолке заметно потускнел, а абажур лампы, прежде изумрудный, теперь стал цвета маорийского нефрита. Ночные шумы, доносившиеся с улицы, и звездный свет, ложившийся бледными линиями на кромки оконных рам, делали темноту в комнате еще более мрачной и таинственной.

Мы слышали, как часы в коридоре отбивают четверти серебряным колокольчиком. Через считанные секунды после того, как они прозвонили два, мною вдруг овладело странное чувство. Мисс Трелони беспокойно пошевелилась, озираясь по сторонам, и я понял, что она тоже испытывает какое-то непонятное новое ощущение. Детектив Райт только что к нам заглядывал, а значит, на следующие четверть часа мы с ней остались одни у постели бесчувственного пациента.

Сердце мое бешено заколотилось. Меня охватил страх – неопределенный, безличный страх. Мне вдруг почудилось, будто в комнате появился еще кто-то, некое разумное существо, и оно совсем рядом. Что-то коснулось моей ноги. Я резко опустил руку и нащупал шелковистый мех Сильвио. С тихим, почти неслышным рычанием кот развернулся и царапнул меня. Я почувствовал на руке кровь. Бесшумно поднявшись с кресла, я подошел к кровати. Мисс Трелони тоже встала и обернулась, словно ощутив рядом чье-то присутствие. Взгляд у нее был дикий, грудь часто вздымалась, как при удушье. Я дотронулся до локтя девушки, но она, казалось, даже не заметила этого и вскинула перед собой руки, будто отталкивая кого-то.

Нельзя было терять ни секунды. Я подхватил мисс Трелони на руки, бросился вон из комнаты и, распахнув дверь, шагнул в коридор и громко крикнул:

– Сюда! На помощь!

В мгновение ока появились оба детектива, миссис Грант и сиделка. Немного погодя прибежали несколько слуг обоего пола. Препоручив девушку заботам миссис Грант, я кинулся обратно в комнату и, нащарив на стене выключатель, зажег свет. Сержант Доу и сиделка поспешили за мной.

Мы подоспели как раз вовремя. Возле сейфа – там же, где в две предыдущие ночи, – лежал мистер Трелони с вытянутой вперед левой рукой, полностью оголенной, если не считать повязки на запястье. Рядом с ним я увидел египетский нож с листовидным лезвием, прежде покоившийся среди древних артефактов в шкафу с разбитой дверцей. Он был воткнут острием в паркетный пол, откуда еще третьего дня убрали залитый кровью коврик.

Однако в комнате все оставалось на своих местах, и никаких признаков чего-то необычного не наблюдалось. Сиделка и двое слуг перенесли мистера Трелони обратно на кровать, а мы с полисменами тщательно осмотрели комнату, но не обнаружили ничего подозрительного. Вскоре вернулась мисс Трелони, бледная, но спокойная. Подойдя ко мне, она тихо проговорила:

– Я почувствовала, что теряю сознание. Не знаю почему, но вдруг безумно испугалась!

Еще одно потрясение я испытал, когда оперся ладонью о край кровати, собираясь склониться к больному, а мисс Трелони вдруг пронзительно вскрикнула:

– Вы ранены! Ах, посмотрите! У вас на руке кровь! И на простынях тоже!

За всеми треволнениями я напрочь забыл о царапинах, оставленных когтями Сильвио. Глянув на них, я тут же вспомнил про кота, но не успел и рта открыть, как мисс Трелони схватила мою руку и поднесла к глазам. Увидев несколько параллельных царапин, она снова вскричала:

– Такие же раны, как у отца!

Затем, быстро, но осторожно опустив мою руку, она обратилась ко мне и сержанту Доу:

– Пойдемте в мою комнату! Сильвио там, в своей корзине.

Мы проследовали за ней в соседнюю спальню. Сильвио действительно сидел в своей корзине и лизал лапы.

– Да, он и впрямь здесь, – сказал детектив. – Но почему он лизет лапы?

Маргарет с тихим стоном наклонилась и дотронулась до передней лапы Сильвио. Кот зарычал, явно недовольный. Тут в комнату вошла миссис Грант. Увидев, что мы осматриваем кота, она промолвила:

– Сиделка говорит, что Сильвио спал на постели сестры Кеннеди все время, пока вы оставались возле отца. Он перешел туда сразу, как только вы отправились в комнату хозяина, и вернулся на обычное свое место совсем недавно. Еще она говорит, что сестра Кеннеди стонет и бормочет во сне, будто ее мучают кошмары. Думаю, нам надо послать за доктором Винчестером.

– Пошлите сейчас же, прошу вас! – воскликнула девушка.

Мы возвратились в комнату больного. С минуту мисс Трелони стояла над постелью отца, сосредоточенно сдвинув брови, а затем повернулась ко мне с решительным видом и сказала:

– Не кажется ли вам, что мы должны пригласить для врачебной консультации еще кого-нибудь? Конечно, я полностью доверяю доктору Винчестеру: это чрезвычайно способный молодой человек, – но именно что молодой, а ведь наверняка есть специалисты, всю жизнь посвятившие изучению подобных случаев. У такого врача, несомненно, больше знаний и опыта, которые помогли бы пролить свет на состояние моего бедного отца. А доктор Винчестер, похоже, все еще блуждает в потемках. Ах! Я просто не знаю, что делать! Все так ужасно!

Не выдержав, она расплакалась, и я постарался ее утешить.

Доктор Винчестер прибыл в самом скором времени. Его первой заботой был хозяин дома, но узнав, что тот не получил новых ран, доктор немедленно направился к сиделке Кеннеди. При виде ее в глазах у него засветилась надежда. Взяв полотенце и окунув уголок в холодную воду, он легонько хлестнул им женщину по щеке. Кожа ее тотчас порозовела, и больная слабо шевельнулась.

– С ней все в порядке, – сказал доктор новой сиделке, которую называл сестрой Дорис. – Она очнется самое позднее через три-четыре часа. Вероятно, поначалу у нее будет кружиться голова и мутиться сознание. Возможно даже, случится истерический припадок. Но вы знаете, что делать в таком случае.

– Да, сэр, – невозмутимо ответила сестра Дорис.

Мы вернулись в комнату мистера Трелони. Едва мы вошли, миссис Грант и вторая сиделка удалились и с пациентом остались только доктор Винчестер, мисс Трелони да я. Когда дверь закрылась, доктор попросил меня поведать о последних событиях. Я подробно рассказал все, что помнил, стараясь не упустить ни единой мелочи. По ходу моего повествования – не очень длинного – молодой человек то и дело осведомлялся, кто находился при больном в тот или иной момент времени и в какой последовательности мы заходили в комнату. Он интересовался и другими обстоятельствами дела – какими именно, я не запомнил, поскольку они показались мне совершенно несущественными. По завершении нашего разговора доктор Винчестер самым решительным тоном обратился к девушке:

– Полагаю, мисс Трелони, нам нужно с кем-нибудь проконсультироваться по поводу вашего отца.

Она ответила мгновенно, чем слегка его удивила:

– Рада, что вы это предложили. Я полностью с вами согласна. Кого вы посоветуете?

– А сами вы никого не можете порекомендовать? Кого-нибудь, кто знает вашего отца? Его кто-нибудь прежде консультировал?

– Насколько мне известно, нет. Но я надеюсь, вы выберете того, кого сочтете лучшим. Моему дорогому отцу необходимо оказать всю возможную помощь, и я буду безмерно вам признательна, если вы сделаете правильный выбор. Кто лучший в Лондоне – или где угодно – специалист по подобным заболеваниям?

– Я знаю нескольких, но все они живут в разных уголках планеты. Специалистами по заболеваниям мозга, доложу я вам, рождаются, а не становятся. Хотя для того, чтобы ус-

вершенствовать природные способности и преуспеть в своем деле, каждому из них приходится изрядно потрудиться. Все они, можно сказать, граждане мира, а не какой-то конкретной страны. Самый смелый исследователь на сегодняшний день – японец Чиуни, но он скорее хирург-экспериментатор, нежели практикующий врач. Еще есть Цаммерфест из Упсалы, Фенелон из Парижского университета и Морфесси из Неаполя. Это, разумеется, не считая наших специалистов – Моррисона из Абердина и Ричардсона из Бирмингема. Но на первое место я поставил бы Фрира из Королевского колледжа. Он успешнее всех вышеназванных сочетает теорию и практику. Он живет лишь своей работой: никаких посторонних интересов, увлечений, – ничего, и опыт у него поистине огромный. Всем нам, его почитателям, горько сознавать, что столь крепкие нервы и столь умелые руки рано или поздно ослабнут под разрушительным воздействием времени. Лично я предпочел бы Фрира всем прочим.

– Тогда давайте с утра пораньше пошлем за доктором Фриром, – решительно сказала мисс Трелони. – Кстати, как к нему обращаться: «доктор» или просто «мистер»?

Вздыхнув с видимым облегчением, доктор Винчестер заговорил гораздо живее и неприужденнее, чем прежде:

– Он – сэр Джеймс Фрир. Я лично отправлюсь к нему и попрошу безотлагательно сюда приехать. – Затем он повернулся ко мне. – Надо бы перевязать вам руку.

– Да пустяки, не стоит, – возразил я.

– Пустяки не пустяки, а раны все же надобно обработать. Даже малейшая царапина, нанесенная животным, может оказаться опасной. Лучше не рисковать.

Я подчинился, и доктор тотчас же занялся моей рукой. Прежде чем наложить бинты, он рассмотрел через лупу царапины и сравнил их со следами, оставленными когтями Сильвио на листке промокательной бумаги, который извлек из своего блокнота. Убрав листок обратно, он сказал лишь одно:

– Прискорбно, что Сильвио незаметно проскальзывает в комнату в самые неподходящие моменты – и столь же незаметно потом исчезает.

Утро тянулось медленно. К десяти часам сестра Кеннеди пришла в себя настолько, что уже могла сидеть и более-менее членораздельно разговаривать. Но мысли у нее все еще путались, и она совершенно не помнила, что происходило прошлой ночью после того, как заняла место у постели больного. И похоже, сейчас это нисколько ее не интересовало.

Незадолго до одиннадцати вернулся доктор Винчестер вместе с сэром Джеймсом Фриром. Когда я с лестничной площадки увидел их в холле, сердце у меня упало: я осознал, что мисс Трелони сейчас предстоит со стыдом признаться еще одному незнакомцу в своей полной неосведомленности относительно жизни родного отца.

Сэр Джеймс Фрир с первого взгляда привлекал к себе внимание и вызывал невольное уважение. Казалось, он настолько ясно знает, чего хочет, что решительно отметаёт прочь все желания и помыслы людей, менее определенных в своих устремлениях. Этот пронзительный взор, эта твердая складка губ, эти насупленные густые брови словно принуждали всех и вся к полному и безоговорочному подчинению его воле. Впрочем, когда всех нас друг другу представили и он, можно сказать, вошел в наше общество, вся таинственность, окружавшая его персону вдруг будто бы рассеялась. И я исполнился надежды, глядя вслед сэру Фриру, когда он вместе с доктором Винчестером направился в комнату больного.

Они оставались там очень долго: один раз вызвали сестру Дорис, но та вскоре вышла обратно, – потом оба проследовали в комнату, где находилась сиделка Кеннеди, и сэр Фрир отослал сестру, присматривавшую за ней. Позже доктор Винчестер сообщил мне, что сиделка Кеннеди, хотя и понятия не имевшая о последних событиях, дала исчерпывающие ответы на все вопросы доктора Фрира касательно состояния мистера Трелони вплоть до момента, когда она впала в беспамятство. Затем оба доктора направились в кабинет, где за закрытой дверью принялись спорить столь долго и жарко, если не сказать ожесточенно, что я в конце концов

даже забеспокоился. Мисс Трелони и вовсе находилась на грани нервного срыва к тому времени, когда они вышли. Бедняжка! От всех тяжелых переживаний предыдущих дней нервы у нее определенно были на пределе.

Первым из кабинета появился сэр Джеймс, с мрачным лицом, непроницаемым, как у сфинкса. За ним по пятам шел доктор Винчестер, очень бледный, но такого рода бледностью, которая свидетельствует о реакции организма на перевозбуждение. Я с уверенностью предположил, что совсем недавно лицо его горело краской. Сэр Джеймс пригласил мисс Трелони пройти в кабинет и обратился ко мне с таким же предложением. Когда мы вошли, он повернулся ко мне и сказал:

– Со слов доктора Винчестера я понял, что вы друг мисс Трелони и непосредственный свидетель всех произошедших в доме событий, а посему полагаю ваше присутствие здесь весьма желательным. Я знаю вас как блестящего адвоката, мистер Росс, хотя до сих пор не имел удовольствия лично познакомиться с вами. Доктор Винчестер говорит, что этому делу сопутствуют некие таинственные обстоятельства, которые ставят его – да и всех прочих – в тупик и которые, по его мнению, должны вызывать особенный интерес у вас. Вот почему я считаю нужным держать вас в курсе событий. Лично я никогда не придаю значения никаким тайнам, кроме научных, а поскольку здесь налицо попытка убийства или ограбления, могу сказать лишь одно: нашим убийцам, перед тем как идти на следующее преступление, не помешало бы взять несколько начальных уроков анатомии, ибо они в ней явно ничего не смыслят. Если злоумышленники ставили своей целью ограбление, то выступили из рук вон плохо. Впрочем, в таких делах я не знаток. – Сэр Фрир втянул в нос изрядную понюшку табаку и, повернувшись к мисс Трелони, продолжил: – Теперь что касается пациента. Оставив в стороне причину нынешнего его состояния, на данный момент мы можем заключить лишь, что он пребывает в глубокой каталепсии. Сейчас нам остается только поддерживать в нем телесные силы, больше ничем помочь ему мы не можем. В целом я одобряю лечение, назначенное доктором Винчестером, и уверен, что при любых переменах в состоянии пациента он примет надлежащие меры. Случай, конечно, интересный – в высшей степени интересный, – и если болезнь получит нежелательное развитие, я буду счастлив приехать в любое время. Хочу обратить ваше внимание лишь на одно обстоятельство и обращаюсь при этом лично к вам, мисс Трелони, потому как здесь решение за вами. Доктор Винчестер говорит, что вы не вольны действовать по своему усмотрению, но связаны распоряжениями, оставленными вам отцом на случай, если с ним произойдет нечто подобное. Однако я все же настоятельно рекомендую вам переместить пациента в другую комнату или по крайней мере убрать из его комнаты все мумии и прочие древности. Право же, находясь в окружении этих жутких предметов и вдыхая источаемые ими запахи, любой человек может занедужить. Вы уже убедились в пагубном воздействии этих испарений. Та сиделка – Кеннеди, если мне не изменяет память, – еще не полностью очнулась от каталептического сна, да и вы, мистер Росс, как мне сообщили, тоже испытали некое подобие транса. Скажу лишь одно... – Брови его насупились пуще прежнего, и складка губ стала жестче. – Будь я здесь за главного, я решительно потребовал бы поместить пациента в другую обстановку – или просто отказался бы от дела. Доктор Винчестер уже знает, что за дальнейшими консультациями вы сможете обращаться ко мне, только если это условие будет выполнено. Но я уверен, мисс Трелони, что вы поступите, как подобает хорошей дочери, которую больше волнует телесное и умственное здоровье отца, нежели любые его причуды, объясняющиеся, возможно, какими-то нелепыми страхами да всякого рода тайнами из книжек «дешевых ужасов». Пока еще, слава богу, Британский музей и госпиталь Святого Томаса не поменялись своим назначением. Всего вам доброго, мисс Трелони. Искренне надеюсь на скорое выздоровление вашего отца. Помните: я в любой час дня и ночи к вашим услугам – если только вы выполните простое условие, мною поставленное. И вам всего доброго, мистер Росс. С нетерпением буду ждать от вас новостей, доктор Винчестер.

Он удалился, и мы стояли молча, пока грохот колес его экипажа не стих в отдалении. Первым заговорил доктор Винчестер:

– Как врач, считаю нужным признать правоту сэра Фрира. Я едва не вспыхнул, когда он поставил условие, на котором согласен заниматься нашим делом, но тем не менее в том, что касается лечения, он прав. К сожалению, он не видит всей странности данного случая и не желает понять, что мы связаны распоряжениями мистера Трелони. Конечно...

– А вы, доктор Винчестер, – перебила мисс Трелони, – тоже хотите отказаться от дела или все же готовы продолжать, соблюдая известные вам условия?

– Отказаться? Да у меня и в мыслях такого нет! Мисс Трелони, я ни за что не откажусь от пациента, покуда он дышит и покуда все мы живы!

Вместо ответа девушка протянула руку, доктор горячо ее пожал.

– Итак, – решительно сказала она затем, – если сэр Джеймс Фрир – типичный представитель священного клана специалистов, обращаться к ним впредь я не намерена. Во-первых, о состоянии моего отца он, похоже, знает не больше вас, а будь у него хоть сотая доля вашей заинтересованности, он не стал бы проявлять подобный педантизм. Конечно же, я страшно тревожусь за отца, а потому, если увижу возможность выполнить требование сэра Фрира, сделаю это непременно. Я сейчас же пошлю за мистером Марвином и спрошу у него совета, допустимо ли нарушать отцовскую волю. Если он сочтет, что я вправе поступить по собственному усмотрению на свой страх и риск, я без колебаний так и сделаю.

Засим доктор Винчестер откланялся, а мисс Трелони села и написала мистеру Марвину письмо, где поведала о положении дел и попросила немедленно к ней приехать, взяв с собой все документы, способные пролить свет на происходящее. Она отправила письмо с экипажем для поверенного, и мы принялись ждать со всем возможным терпением.

От Кенсингтон-Пэлас-Гарденс до Линкольнс-Инн-Филдс путь недолгий, когда едешь сам, но пока едет кто-то, кого ты с нетерпением ждешь, проходит целая вечность. Впрочем, все в мире подвластно времени, и менее чем через час мистер Марвин прибыл.

Хорошо понимая нетерпение мисс Трелони, он для приличия справился о состоянии больного, а затем сказал:

– Я готов подробно обсудить с вами распоряжения вашего отца, когда вам будет удобно.

– В любое время, – ответила девушка. – Почему бы и не сейчас? – Она явно не поняла его намека.

Мистер Марвин, знавший меня как коллегу-юриста, покосился в мою сторону и нерешительно произнес:

– Но мы не одни.

– Я нарочно пригласила мистера Росса, – объяснила она. – Он уже знает об этом деле достаточно, и я хочу, чтобы узнал еще больше.

Поверенный заметно смешался, что несказанно удивило бы тех, кто встречался с ним только в суде.

– Но, дорогая юная леди, – с сомнением в голосе проговорил он, – речь идет о воле вашего отца!.. Конфиденциальность между родителем и ребенком...

– Неужто вы полагаете, мистер Марвин, что подобные соображения уместны в нынешней ситуации? – перебила девушка, и ее бледные щеки порозовели. – Отец никогда не посвящал меня в свои дела. И сейчас, в отчаянных обстоятельствах, мне приходится узнавать о его пожеланиях от совершенно незнакомого человека, о котором я даже не слышала, покуда у меня в руках не оказалось письмо отца, оставленное мне на случай чрезвычайных событий. Я знаю мистера Росса недавно, но полностью ему доверяю и хочу, чтобы он присутствовал при нашем разговоре. Если это не запрещено моим отцом, разумеется, – добавила она. – Ах, простите, мистер Марвин, если я кажусь вам грубой! Но я настолько извелась от горя и тревоги, что уже плохо владею собой.

Она на несколько секунд прикрыла глаза ладонью; мы с мистером Марвином переглянулись и вновь обратили взоры на нее, стараясь сохранять невозмутимый вид. Вскоре мисс Трелони взяла себя в руки и продолжила более твердым голосом:

– Пожалуйста, прошу вас, не подумайте только, что я не испытываю к вам благодарности за то, что вы приехали по первому моему зову! Я глубоко вам признательна – и целиком полагаюсь на ваше суждение. Если вы желаете или считаете нужным, мы можем поговорить наедине.

Я встал, собираясь выйти, но мистер Марвин знаком остановил меня. Тронутый последними словами мисс Трелони, он заметно смягчился и заговорил гораздо более теплым тоном:

– Нет-нет! Ваш отец не устанавливал никаких ограничений на сей счет, а я со своей стороны совсем не против присутствия мистера Росса. Возможно, так оно даже лучше. Исходя из вашего рассказа о болезни мистера Трелони и прочих сопутствующих обстоятельствах и допуская возможность самого неблагоприятного развития событий, нам нужно с самого начала твердо уяснить, что распоряжения вашего отца носят непререкаемый характер – совершенно непререкаемый, поймите меня. Они настолько категоричны и безоговорочны, что мистер Трелони выдал мне доверенность, обязывающую меня проследить за тем, чтобы все его письменные распоряжения были в точности выполнены. Прошу вас, поверьте мне раз и навсегда: он требует неукоснительного соблюдения всех условий, перечисленных в письме к вам! Покуда в нем теплится жизнь, он должен находиться в своей комнате, и оттуда нельзя выносить ничего из его имущества ни при каких условиях. Ваш отец даже привел список предметов, которые возбуждаются переставлять или перемещать.

Мисс Трелони с удрученным видом молчала. Догадавшись, почему она поникла духом, я спросил:

– Вы позволите нам посмотреть список?

Лицо девушки прояснилось, но на него тотчас же снова легла тень, когда адвокат – явно готовый к такому вопросу – быстро ответил:

– Только если мне придется действовать по доверенности, каковой документ я привез с собой. Вот, прошу ознакомиться. – Вручив мне документ, он продолжал с деловитой уверенностью опытного юриста: – Вы сами убедитесь, мистер Росс, что он составлен в самых категорических выражениях и что мой доверитель изложил свои требования совершенно недвусмысленно. Весь текст за исключением некоторых юридических оборотов записан со слов мистера Трелони, и я уверяю вас, что мне редко доводилось когда-либо видеть документы столь четкие и однозначные. Даже я не могу допустить хотя бы малейшее отступление от воли клиента, не нарушив при этом его доверия. Излишне говорить, что на такое я не пойду никогда. – Последнее мистер Марвин, очевидно, добавил, чтобы предупредить любые попытки воззвать к его сочувствию, затем, желая смягчить резкость своих слов, продолжил: – Надеюсь, мисс Трелони, вы понимаете, что я готов – искренне и решительно готов – сделать все возможное в пределах моих полномочий, чтобы помочь вам в вашей беде. Но всеми своими действиями ваш отец преследовал определенную цель, которую не раскрыл мне. Насколько я могу судить, каждое слово в его распоряжениях тщательно взвешено и обдумано. Каков бы ни был замысел, который он держал в уме, это был замысел всей его жизни, и мистер Трелони отнесся к нему с предельной серьезностью: предусмотрел все возможные варианты развития событий и предотвратил любую возможную помеху своим планам... Боюсь, мисс Трелони, я огорчил вас, о чем глубоко сожалею, потому что вам и без того приходится очень, очень тяжело. Но у меня, увы, нет выбора. Если у вас возникнет надобность посоветоваться со мной по какому бы то ни было вопросу, даю вам слово: я приеду без промедления в любое время суток. Вот мой домашний адрес. – Продолжая говорить, он быстро нацарапал несколько слов в записной книжке. – А ниже адрес моего клуба, где я обычно бываю по вечерам.

Мистер Марвин вырвал листок и вручил мисс Трелони. Она поблагодарила его. Затем он пожал руки нам обоим и откланялся.

Как только входная дверь за ним закрылась, в комнату постучалась и вошла миссис Грант – с таким расстроенным видом, что мисс Трелони порывисто встала, бледная как смерть, и спросила:

– В чем дело, мисс Грант? Что стряслось? Еще какая-то беда?

– С прискорбием вынуждена сообщить, мисс, что все слуги, кроме двух, заявили о своем намерении покинуть дом сегодня же. Они все обсудили между собой, и дворецкий разговаривал со мной от имени всех остальных. Они готовы отказаться от жалованья и даже выплатить неустойку за увольнение без заблаговременного уведомления, лишь бы не задерживаться здесь ни днем дольше.

– Чем они это объясняют?

– Ничем, мисс. Говорят, мол, они очень сожалеют, но сказать им нечего. Я спросила Джейн, старшую горничную, которая не присоединилась к прочим и остается на своем месте, и она по секрету сообщила мне, что они забрали в свои глупые головы, будто в доме завелось привидение!

Тут следовало бы посмеяться, но нам было не до смеха. Глядя на мисс Трелони, смеяться совсем не хотелось. На бледном лице девушки, отмеченном печатью ужаса и отчаяния, отражался не страх как таковой, но некая страшная мысль, явно закравшаяся к ней давно и сейчас получившая подтверждение. Мне же вдруг показалось, будто мой разум обрел голос, – но не во всей полноте, ибо в глубине сознания таилась и другая мысль, смутная и невнятная, чей голос пока еще не прозвучал.

Глава 6

Подозрения

Первой, к кому вернулось самообладание, была мисс Трелони.

– Прекрасно, миссис Грант, пусть уходят! – сказала она с высокомерным достоинством. – Выплатите каждому все, что с нас причитается на сегодняшний день, плюс месячное жалованье. Они служили нам добросовестно, а повод для увольнения у них весьма необычный. Нельзя ожидать большой преданности от людей, одержимых суеверными страхами. Те же, кто остался, отныне будут получать двойное жалованье, и я прошу вас прислать их ко мне по первому моему требованию.

Миссис Грант еле сдерживала негодование. Как домоправительница, она решительно не одобряла столь великодушного обхождения со слугами, сговорившимися уволиться.

– Они этого не заслуживают, мисс. Взять и уйти после такого к ним отношения! Да я в жизни не видала, чтобы кто-нибудь обращался со слугами столь ласково и учтиво, как вы. Они тут что при дворе королевском жили, такое к ним уважение. А теперь, в час беды, вон как поступают! Это гнусно, иначе не скажешь!

Мисс Трелони мягко урезонила оскорбленную в своем достоинстве домоправительницу, и та удалилась прочь, настроенная к неблагодарным уже менее враждебно. Немного погодя миссис Грант вернулась совсем в ином расположении духа и спросила, не прикажет ли госпожа нанять – или хотя бы попытаться нанять – полный штат новых слуг.

– Вы же знаете, мэм, – продолжала она, – когда на половине слуг поселяется страх, от него, почитай, уже не избавиться. Слуги придут, но быстро и уйдут: их ничем не удержишь. Они все одно не останутся. А даже если и останутся отрабатывать положенный месяц после уведомления, то устроят вам такую жизнь, что вы ежечасно будете жалеть, что взяли их в услужение. И женщины-то не подарок, эти дерзкие негодницы, но мужчины еще хуже!

Ни видом своим, ни голосом не обнаружив беспокойства или возмущения, мисс Трелони ответила:

– Давайте, миссис Грант, попробуем обойтись теми, кто остался. Пока мой дорогой отец болен, принимать гостей мы не будем, так что обслуживать придется лишь нас троих. Но если, по-вашему, оставшихся слуг недостаточно, я найму еще нескольких им в подмогу. Полагаю, найти двух-трех горничных не составит труда; возможно, у вас уже есть кто-нибудь на примете. И пожалуйста, имейте в виду, что новые служанки – если они нам подойдут и останутся в доме – должны получать такое же жалованье, как и нынешние. Разумеется, миссис Грант, хотя я никоим образом не приравниваю вас к служанкам, мое решение о двойном жалованье распространяется и на вас тоже.

С этими словами она протянула свою тонкую изящную руку, которую домоправительница взяла и поцеловала с непринужденностью старшей женщины, опекающей младшую. Я не мог не восхититься великодушным обхождением мисс Трелони со слугами и мысленно согласился с замечанием, которое миссис Грант вполголоса обронила, выходя из комнаты:

– Неудивительно, что наш дом сродни королевскому дворцу, когда хозяйка ни дать ни взять принцесса!

«Принцесса»! Вот именно! Эта мысль отозвалась во мне восторгом, ярко высветив в моей памяти незабвенное мгновение, когда я впервые увидел мисс Трелони на балу в доме на Белгрейв-сквер. Царственная красавица – высокая и стройная, в грациозной плавности движения подобная лилии или лотосу, что тихо колеблется на водной глади. На ней было свободно ниспадавшее платье из тончайшей черной ткани с золотой нитью. Волосы украшала старинная египетская драгоценность – маленький хрустальный диск в обрамлении острых перьев, выре-

занных из лазурита. На запястье у нее был тяжелый браслет, тоже старинной работы, в виде двух раскрытых золотокованных крыльев с перьями из самоцветов. Несмотря на всю любезность, которую она выказала мне, когда хозяйка дома представила нас друг другу, поначалу я отчаянно робел перед нею. И лишь позже, во время нашей прогулки по реке, я начал постигать ее милую и нежную душу, и мой боязливый трепет сменился иным чувством.

Некоторое время мисс Трелони сидела за столом, делая какие-то хозяйственные записи или заметки для памяти, затем отложила бумаги в сторону и послала за преданными слугами. Посчитав, что ей будет удобнее поговорить с ними наедине, я вышел из комнаты, а когда вернулся, в глазах у нее еще блестели слезы.

Следующий важный разговор, в котором я принял самое непосредственное участие, оказался еще более неприятным и встревожил меня не в пример сильнее. Ближе к вечеру в кабинет, где я находился, вошел сержант Доу. Бесшумно закрыв за собой дверь и удостоверившись, что мы одни, он приблизился ко мне.

– В чем дело? – спросил я. – Вижу, вы хотите поговорить со мной с глазу на глаз.

– Так точно, сэр. Могу ли я рассчитывать, что этот разговор останется между нами?

– Разумеется. Во всем, что касается мисс Трелони – и, разумеется, мистера Трелони, – вы можете быть со мной совершенно откровенны. Насколько я понимаю, мы оба хотим оказать им всю посильную помощь.

После недолгого колебания сержант сказал:

– Как вам известно, сэр, у меня есть свои непреложные обязанности, и вы меня достаточно хорошо знаете, чтобы понимать, что я их выполню. Я полицейский, детектив, и мой долг – беспристрастно установить все факты порученного мне дела. Я предпочел бы поговорить с вами строго конфиденциально, не принимая во внимание ничей долг перед кем-либо, кроме моего долга перед Скотленд-Ярдом.

– Конечно, конечно! – машинально произнес я, внутренне холодея, неведомо почему. – Будьте со мной полностью откровенны. Даю слово, все останется между нами.

– Благодарю вас, сэр. Полагаю, о нашем разговоре не следует знать никому – ни самой мисс Трелони, ни даже мистеру Трелони, когда он очнется.

– Безусловно, если вы ставите такое условие, – довольно сухо ответил я.

Заметив перемену в моем голосе и выражении лица, сержант сказал извиняющимся тоном:

– Прошу прощения, сэр, но мне и заговаривать-то с вами на эту тему не положено. Просто я давно вас знаю и уверен, что вам можно доверять. Не столько даже вашему слову, сэр, – хотя на него я полагаюсь всецело, – сколько вашему благоразумию!

Я кивнул:

– Продолжайте.

Доу не мешкая приступил к сути вопроса:

– Я снова и снова обдумывал это дело, сэр, пока голова не начинала идти кругом, но по-прежнему не нахожу никакой удовлетворительной разгадки. В ночь каждого покушения, как нам известно, в дом никто не входил и уж точно никто не выходил. Какой отсюда напрашивается вывод?

– Кто-то уже находился в доме, – невольно улыбнулся я. – Человек или кто иной.

– Вот и я так думаю, – с видимым облегчением подхватил сержант. – Прекрасно! И кто же он, этот человек?

– Я сказал «человек или кто иной», – уточнил я.

– Давайте остановимся на человеке, мистер Росс! Кот, положим, мог поцарапать или покусать, но нипочем не стащил бы нашего пожилого джентльмена с кровати и не попытался снять у него с руки браслет с ключом. Подобные допущения хороши лишь в бульварном романе, где сыщики-любители, все знающие наперед, строят на них свои блистательные гипотезы.

тезы. Но у нас в Скотленд-Ярде дураков не держат, и обычно мы устанавливаем, что за всеми преступлениями стоят именно люди, а не существа иного рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.